
А. А. Григорьев

Замечания об отношении современной критики к искусству

Наш взгляд на каждый журнал в отдельности, на общее направление деятельности, на общие достоинства и недостатки каждого выражался довольно часто и довольно ясно, иногда даже с некоторою резкостью, понятною, впрочем, как мы имели удовольствие заметить, — даже многим из наших противников, разумеется, тем из них, для которых литература вообще стоит выше их личных симпатий и антипатий к тому или другому направлению. Кроме того, множество общего во всех других журналах, общего, высказывающегося иногда очень ясно, несмотря на видимые и, по-видимому, даже враждебные различия между ними, такого общего, которое все различные их направления отталкивает одинаково от какого-либо из наших положений и заставляет высказываться враждебно с большею или меньшею энергиею, с большею или меньшею откровенностью, с большею или меньшею последовательностью, — это общее, несомненно существующее, убеждает нас в том, что в сущности мы имеем дело только с одним и притом безличным антагонистом, которого положения, рассеянные по разным статьям журналов, приводятся все к одному знаменателю, как приводятся к одному же знаменателю и наши. Когда можно вести честную полемическую борьбу с положениями, то есть когда положения выходят на борьбу ясно обозначенные, — тогда скучно толковать о том, что такая-то книжка такого-то журнала бедна содержанием, и между тем вяло передавать это самое бедное содержание. Необходимость говорить о таком скудном содержании вводит часто в другую, еще более печальную необходимость — толковать, как будто о деле, о том, что в сущности есть или невинное литературное безделье, над которым слегка только можно посмеяться в назидание публики, а не авторов, вероятно, уверенных в важном значении подобного безделья, — или то, что подходит под пословицу: «на безрыбье и рак рыба» — и что с стороны серьезной критики должно быть обходимо красноречивым молчанием, — потому что толки придают этому безрыбью совершенно незаслуженную значительность. Пусть же эту значительность придает им другая критика, а не наша: мы остановимся с любовью над какою-нибудь небольшою поэмою, мы внимательно проследим произведение, в котором, несмотря на художественную слабость, выразится мысль или новая, или даже и запоздалая, но еще живущая и, стало быть, подлежащая исследованию; мы посвятим несколько страниц какому-либо очерку, нарисованному настоящим, призванным художником — и пустим в ход риторическую фигуру умолчания или другую, в реториках еще не обозначенную, фигуру сухого упоминания в отношении к иному тяжеловесному роману, растянувшемуся на несколько книжек журнала, в отношении к какому-либо этюду, отличающемуся в глазах знатоков и специалистов великосветскости и тонкости качествами необыкновенной великосветскости и изящнейшей тонкости. Одним словом, мы хотим беседовать

с мыслителями о мыслях, с художниками о художестве. Задача очень гордая! — подумают, вероятно, многие. — Но более или менее мы ее до сих пор исполняли, — скажем мы в виде предупредительного ответа, — исполняли так, что добросовестнейшие из деятелей литературных, не разделяющих наших мнений, должны были сознаться: одни («Современник»). Июль. Заметки Нов<ого> Поэта, стран<ица> 119) — что «если с критикой молодой редакции “Москвитянина”, выражающейся всегда несколько хитро, заносчиво и кудревато, и не соглашаешься очень во многом, но всегда видишь в ней стремление к истине, любовь и уважение к искусству и что хотя в этой критике и проскакивают иногда небольшие предубеждения к лицам ей подсудимым, но вообще для нее искусство выше всех личных воззрений и отношений», — другие («Отечественные записки». Май. Журналист<ика>, стр. 54), упрекая нас, что мы не кончаем иногда начатых статей, сознаются в том, что начала этих статей обнимают литературный горизонт очень обширный, что вопросы, задаваемые нами, не менее широки; третьи, как то г. Дружинин, с своих точек зрения, почти окончательно сходятся с нами в результатах. И между тем, мы намерены начать наше обозрение совершенно полемически: «Есть тому делу причина!» — как говорит Митя в «Бедность не порок». Причина заключается в том, что как в полемике, открывшейся против нас за начало статей о комедиях Островского, так и в других появившихся в это время статьях, по поводу в особенности Пушкина и Гоголя, обнаружилось слишком ясно больные места той критики, которую мы, не во гнев ей будь сказано, не перестаем называть одряхлевшею, обнаружилось даже многие из свойств болезни нашего безличного антагониста.

Прежде всего, займемся нашим делом: дадим прямой и ясный ответ на упреки, которым мы подверглись. Полемика выразилась в двух главных журналах, в «Отечественных записках» и в «Современнике», выразилась в том и другом соответственно с характером каждого. Полемика «Записок» прямая: ей, «невольной и сам собою, представляется вопрос; почему Пушкин, у которого инстинкту народному мы все удивляемся, вывел в своей драме в сценах любви лица не русские, по крайней мере, лица, воспитанные вне России? Все остальные величавые лица неприкосновенны к этому делу» («Отечественные записки». Май. Журн<алистика>, стр. 61). Далее рецензент продолжает: «Такой поступок нашего поэта возлагает как первую обязанность на критика рассмотреть старинные наши семейные отношения, насколько они могут быть сюжетом повести или драмы. Вот в этом-то случае мы и попросили бы г. Григорьева обратить особенное внимание на “Домострой”, как на памятник весьма важный для решения этого литературного вопроса. Пусть бы автор на основании правил, изложенных для семейной жизни в “Домострое”, определил, насколько они допускают возможность той интриги, которая сделалась главным двигателем всех наших повестей, романов и драм с XVIII столетия до настоящего времени включительно. Если окажутся противоречия между правилами “Домостроя” и завязкою всех наших повестей и романов, тогда сам собою представится вопрос: чем мы должны в нынешнее время пожертвовать — правилами “Долгостроя” или принесенною с Запада постройкою литературных произведений?»

Основное начало полемики выражено так прямо и ясно, что прямей и ясней, кажется, и нельзя выразить; более еще: несмотря на то, что возражение, с нашей точки зрения, — совсем нелепо, — оно высказано необыкновенно честно. Статья наша, как и многие другие, которые пишутся под влиянием горячего и правдивого убеждения, представляла вся удобства к гаерским против нее выходкам — и никакой такой выходки не сделано. Не осмеяно то, что мы по поводу комедии Островского подняли летописи, Посошкова и проч., — не осмеяно то, что мы приняли на себя в начале ее тон слишком решительный (тон, надобно заметить, совершенно невольный и вызванный безнарядиею критики), и т. п. Дело, свидетельствуем с удовольствием,

начато честно. Дай бог нам в статьях наших поспорить порядком о таком важном вопросе и победить в наших противниках их нерасположение к старому русскому быту или, лучше сказать, вообще к нашей исторической народности. Для этого надобно показать, конечно, что идеалы русского быта заключаются не в одном «Домострое», что *интриги* в смысле XVIII столетия можно отыскать в самом «Домострое» (вспомните женок торговых и т. п.), но что «Домострой» смотрит только на эти интриги с иной точки зрения, чем XVIII век, и очеркивает их сурово-комически. Сами антагонисты наши знают, что много нужно тут показать такого, о чем доселе говорилось очень мало, что с нашей стороны возможен будет только усиленный труд, что заслуга наших соображений и нашего труда будет заключаться в том, чтобы навести на другие труды и на другие соображения: сами они понимают, вероятно, что даже и усиленные соображения могут быть сообщаемы в этом деле не так скоро, как заключения о современном вопросе, чем должно будет пожертвовать: правилами ли «Домостроя», который, между прочим, и не один памятник, увековечивший идеалы русского семейного воззрения, а труд человека, весьма почтенного, но несколько одностороннего, — или завязкою всех новейших повестей и романов, завязкою, которая порядочно уже опошлится, — этот вопрос решат не споры наши, а искусство — и оно уже решает его все-таки больше в пользу, положим, и одностороннего несколько «Домостроя», как сочного и крепкого продукта жизни, чем в пользу тепличных завязок, уже и теперь оказавшихся несостоятельными. Статья «Отечественных» записок» состоит преимущественно из различных желаний, — между прочим, она высказывает желание, чтобы мы *определили народность*. Неправда ли, что это — желание весьма скромное? На него можно ответить только положением одного знаменитого юриста, что: *Definitio periculosa est*¹. Определение вообще должно только дать почувствовать всем изложением дела. Не спорим, что определить народность с отрицательной точки зрения, как дельвали «Отечественные» зап<иски>», легко, — но попробуй-ка они сами подвести под схему все многообразие свойств такой народности, какова наша славянская? Насколько пряма и последовательна полемическая статья «Записок», настолько же неопределенна и смутна статья в заметках Нового Поэта «Современника» за июль. Это — статья то увещательная, то извинительная, то насмешливая, но во всяком случае не прямая. Насколько статья «Записок» поняла, в чем дело, и толкует о *деле*, настолько же статья «Современника» обходит настоящее *дело*, вертится около положений нашей статьи, выхватывает мысли из нее наудачу, оправдывается или старается кольнуть — без малейшего отношения к *делу*. По этому самому отвечать на статью «Записок» надобно самым *делом*, то есть продолжением начатой нами статьи: статью же «Современника» надобно проследить, чтобы уловить в ней какие-либо положения. Обе статьи, впрочем, сходятся в одном, в обвинении нас за великолепные начинания. В «Современнике» обвинение это выражено особенно замысловато.

«Москвитянин», — так начинает Новый Поэт, — как было уже не раз говорено в наших журналах, находится под влиянием двух редакций — *старой* и *молодой* — и потому, вероятно, он не имеет того единства, той цельности, того определенного колорита, которые невольно отыскивает читатель в каждом периодическом издании...

Позвольте остановить вас на минуту, Новый Поэт, и спросить вас, какие существенные различия находите вы между *старой* и *новой* редакцией «Москвитянина»?.. Вероятно, ответа вы не дадите, потому что и здесь, как и в деятельности Островского, новое слово есть только старое слово. Нечего говорить уже о том, что в требовании единства и колорита от журнала «Современником», в котором

¹ Определение опасно (*лат.*).

сегодня позволятся ругать то, что вчера расхваливали, — в котором сегодня скажет дельное слово г. Дружинин, а завтра, может быть, г. Чернышевский напишет тьму безвкусных и безобразных литературных ересей, что в этом требовании для всякого мыслящего читателя заключается много комического. Но продолжаем выписку:

В «Москвитяине» иногда старая редакция явно преобладает над молодой, иногда молодая берет верх над старою, и все это совершается как будто бы случайно, без всякой борьбы (NB. Да ведь борьба для мыслящего человека возможна только при различии принципов с другим мыслящим человеком): явится несколько книжек, похожих более на сборник, чем на журнал, и после этих книжек с историческими материалами (более или менее интересными и довольно, впрочем, редкими в последнее время), с историческими афоризмами, с различными краткими, отрывистыми и всегда очень оригинальными отметками и заметками старой редакции, напоминающими прежний «Москвитяин», — вдруг выйдут несколько номеров, имеющих более журнальный характер, с критическими статьями, в которых молодая редакция желает высказывать свои теории и взгляды на искусство... Но, к сожалению любопытствующих поближе познакомиться с этими взглядами и теориями, критические статьи молодой редакции обыкновенно прерываются или на половине, или на самом начале — и так и остаются неоконченными. Задуманные всегда (судя по началам) широко, глубоко и добросовестно, они имеют вид тех огромных и хитро задуманных зданий, которые так же прихотливо начаты, как и брошены и, с бесчисленными полусгнившими и почерневшими лесами, представляют печальный вид бесполезно пропавшего труда и бесполезно погибших материалов... Смотри на эти громадные леса, на эти груды кирпичей, думаешь: а может быть, ведь из этого что-нибудь и вышло бы! — и в то же время досадуешь, что полусгнившие леса и обвалившиеся кирпичи — ничего не доказавшие — занимают без толку пространство, из которого можно было бы извлечь какую-нибудь пользу, которое не пропало бы даром. Что нам за дело до того, если обломки недоконченного здания намекают на талант, вкус и добросовестность архитектора? Что нам за дело до того, что он и что-то хотел сказать этим зданием? *Мысль в зачатии, как бы она ни казалась широка и глубока, — ровно ничего не значит в сравнении с самой обыкновенной, вседневной мыслью, развитой и окончательно высказанной.*

Сказано складно и сравнение блестящее — да верно ли оно? — спросим мы г. Нового Поэта. Продолжая употребленное им сравнение, скажем, что архитектуру могут помешать достроить здание недостаток кирпича и камня, постоянно ненастная погода и другие обстоятельства, от него не зависящие. Оставляя же в стороне сравнение блестящее, но неудачное, скажем мы, что мысль надобно сообщать даже в ее зачатии, если нет средств высказать ее в конченной форме: мысль — дело живое, то есть мысль чувствуемая всем существом человека, понимаемая всем горячим убеждением души: когда она так понимается, она высказывается сама, не заботясь о том, высказавший впервые или другой кто-нибудь достроит ее умственное здание; мысль верит только в то, что здание ее достроится непременно... Но это идеальная сторона вопроса. Да позволено будет нам спросить г. Нового Поэта, какие статьи нами недокончены, кроме начатой статьи об Островском, о прекращении которой он не имеет никакого права умозаключать, и отрывка из сочинения о песнях, отрывка, который сам по себе окончен, — а не кончено и едва ли скоро кончится все сочинение, но ведь оно, как понимает, вероятно, сам г. Новый Поэт, есть одно из дел целой жизни. Упрекают автора этих статей «Отечественные» записки» в неоконченных взглядах на Гете и на немецкую литературу, но взгляды эти вызваны были поводом и другим поводом вызовется, вероятно, их продолжение и разъяснение. Дело, кажется, очень простое. Всякое слово, новое ли, старое ли, высказывается постепенно, разъясняется в борьбе с противоречиями — если оно только живое, а не мертвое, книжное, которое легко и удобно ложится в узкие схемы. Вероятно, не сочтут в нас за самолюбие, а примут только за крепкую веру в наше направление — если мы скажем, что вызывай нас почаще — полемика ли, литературные ли явления — на вопросы, которые действительно заслуживают название вопросов, ответов за нами не жаждутся.

Но чем мы заслужили от г. Нового Поэта следующее поучение — решительно недоумеваем.

Но если, — продолжает он, — архитектор недоконченного здания, не успевший еще — при всем своем усилии — ясно, определенно и окончательно высказать своей мысли, взявшийся за какой-нибудь колоссальный труд и даже еще не окончивший фундамент для своего труда, — *будет отзыватьсь с презрительной гордостью об оконченных трудах своих предшественников, которые добывали мысль в поте и крови и высказывали ее с увлечением, с добросовестною горячностью, впадая иногда и в неизбежные для человека промахи и ошибки*, — тогда можно и даже должно остановить такого заносчивого архитектора и спросить его... ты, так строгий к своим предшественникам, к людям, *подготовлявшим, может быть, тебя самого*, — что же сделал ты сам, сказал ли ты хоть что-нибудь новое после них?.. Во имя чего же твоя надменность, твое презрение к тем благородным труженикам мысли, которые, не смотря на свои ошибки и заблуждения, сделали хоть что-нибудь? Труды их перед нашими глазами... Они высказали нам все, что могли и умели высказать, а ты, *все усиливающийся что-то сказать и в течение нескольких лет остающийся при этом усилии*, — имеешь ли ты право бросать камень в твоего собрата, в твоего ближнего, уже совершившего свое дело и окончившего свое поприще?..

Все это очень трогательно, и мы вполне понимаем тот нравственный процесс, посредством которого г. Новый Поэт, который доселе «шутил, весь век шутил», — писавши эту красноречивую диатрибу, сам неприметно для себя возвышался до своего лирического настроения и весьма искренно причислил и самого себя к благородным труженикам мысли, добывавшим мысль в поте и крови, рассердился на нас внезапно и в порыве благородного негодования обратился к нам с упреком, который точно был бы язвительен, если бы к нам сколько-нибудь относился! Но дело в том только, что стрела пронеслась мимо. Слово нашего направления есть уважение к преданию, уважение ко всему до нас сделанному, даже, если смеем так выразиться, — восстановление связи между нашим временем и прошедшим, связи, на время легкомысленно некоторыми разорванной. Вот с этим-то разрывом и с его представителями мы и боремся. Sapienti sat². В самой деятельности недавних предшественников мы отличали всегда и сумеем отличить благородные усилия от вредных и фальшивых увлечений; за первые — поклон до лица земли, — за вторые — разделка неминуемая, историческая, то есть историей, временем, а не нами совершаемая. Дело опять, кажется, очень ясное. Когда направление, восстанавливающее связь с преданием, столкнется с направлением, вышедшим из начал противоположных, — то неужели же оно из какого-то фальшивого благородства должно кадить ему? Но ведь кадя ему, оно оскорбит историческое предание! Можно признавать, что такой-то человек такого-то направления был одарен натурой могучей, волканической, словом живым и любовью к правде, — но если он был малограмотен, то нельзя же этого не сказать, если он впадал в беспрестанные противоречия, нельзя же их признавать за непреложные истины, если крайности, в которые впадал он, имеют доселе вредное влияние на литературу, нельзя же не относиться к ним враждебно. Стало быть, и диатриба Нового Поэта пронеслась мимо нас, как паче всего уважающих предание и уважающих *все честное* в труде своих предшественников, близких и дальних.

С такою же речью можем мы обратиться, — продолжает г. Новый Поэт, — и к критику «молодой редакции» г-ну Григорьеву, который так гордо и презрительно относится о критике 1838–1846 годов и никогда не упускает случая уязвлять ее при всяком удобном случае.

Опять-таки, есть тому делу причина! Судьбы нашей критики как от 1838 до 1846, так и от 1828 до 1838 довольно хорошо известны критику молодой редакции, и он познакомился с той и другою в такие лета, когда душа воспринимает живее все

² Мудрому достаточно (лат.).

впечатления, и, стало быть, знаком с ней по опытам сердца, видел хорошие и дурные стороны ее влияния как в самом себе, так и в других. Венчания и развенчания кумирчиков, скачки от статьи, например, о «Бородинской годовщине» к статье о «Парижских тайнах» Сю, от восторженных гимнов народности в «Литературных мечтаниях» «Молвы», этом прекрасном памятнике блестящего таланта, хотя и тогда уже впадавшего в крайности по недостатку грамотности, — к сатурналиям вроде статей о «Сказаниях русского народа», изданных г. Сахаровым, статей о Голицыне и Котошихине, — от правдивой оценки великого таланта Гоголя к вакханалиям по поводу его «Переписки» — вакханалиям, которым критик молодой редакции причастен не был, чем он и гордится, от перчатки, брошенной критиком «Телескопа» за «Бориса Годунова», принятого холодно безграмотною критиком, до новых оправданий этой безграмотной критики, оправданий, появившихся в статьях о Пушкине в нынешней книжке «Современника», в которой г. Новый Поэт громит нас своими диатрибами, — все эти скачки, показывающие шаткость, безнарядицу критики, совершались на глазах критика молодой редакции, проходили более или менее по его сердцу. Разделя когда-то многое с критикой, на которую он теперь вооружается, он не мог никогда разделять ни сатурналий насчет народности, ни увенчания кумирчиков г. Д., Н. и т. д., ни вакханалии по поводу «Переписки с друзьями», как достаточно было засвидетельствовано статьею его в «Московском городском листке», удостоившеюся того же глумления, как и книга Гоголя. Вот почему критик молодой редакции не упускает никогда удобного случая говорить о критике 1838–1846 годов, и вот почему он считает себя вправе говорить о ней, хотя, вместе с тем, никогда не думал говорить о ней гордо и презрительно. *Errare humanum est*³ — и отрицая заблуждения, должно видеть в заблуждающемся еще другую сторону, кроме заблуждений.

Все это, хотя и не с такою резкостью, обозначено было в нашей статье. Но Новый Поэт принял такой маневр, чтобы все упреки наши взвалить на одну «Библиотеку для чтения», отстаивая статьи о Пушкине, в которых казнилась без милосердия вся русская литература до Пушкина и от его Татьяны делались весьма странные требования, забывая исчисленные нами сатурналии и поддерживая справедливость вакханалий по поводу книги Гоголя. Гоголю, изволите видеть, критика высказала тогда много горьких истин. Бедная критика — ее заблуждения продолжают еще до сих пор, и ей до сих пор непонятно, что болезненный процесс, великий нравственный перелом, совершавшийся в такой натуре, какова была натура Н. В. Гоголя, должен был расширить его кругозор. Пусть же наконец убедится она в этом, читая отрывки второй части «Мертвых душ», увидевшие наконец свет божий, отрывки, свидетельствующие о том, чего требовал от себя великий художник и великий общественный человек; отрывки, которыми при том еще сам художник не был доволен — не был доволен, значит, хотел совершеннейшего! Пусть же она устыдится своих обвинений Гоголя в неискренности, своих подходов под его личность, читая «Авторскую исповедь»! Но об отношениях современной критики к Гоголю и Пушкину речь еще впереди. Пока займемся нашим собственным делом.

Положим, что эта критика — продолжает г. Новый Поэт — (имевшая, нельзя не заметить, влияние довольно сильное) заблуждалась, впадала в промахи (какая же критика не впадает в промахи?) — но она сделала что-нибудь, она высказала свою мысль, как могла... труды ее не совсем еще забыты...

Так мало еще забыты, добавим мы от себя, что доселе еще критика теперешняя продолжает их в каком-то ленивом полусне. И так много она сделала и так

³ Человеку свойственно ошибаться (лат.).

высказала свою мысль, что от терний этой мысли долго еще не расчистишь поля литературы. Зачем говорить голословно? Проследим вкратце всю историю той критики, за которую ратует г. Новый Поэт.

Начало ее в «Молве», издававшейся при «Телескопе», временное пристанище в «Московском наблюдателе», завершение в «Отечественных записках». В «Литературных мечтаниях» впервые раздался ее голос, впервые брошены семена того хорошего и того дурного, что принесла она с собою в жизнь. Хорошее заключалось в твердости эстетических положений, в мысли о том, что искусство должно мерить условиями искусства, в живом сочувствии к жизни и в вере в то, что литература — отражение жизни. В «Литературных мечтаниях», — разрушавших во имя этих убеждений множество авторитетов, стремившихся поставить все на надлежащее место, часто заносчивых, опрометчивых в своих суждениях, часто пристрастных, — были дороги молодость, страсть, увлечение, соединенные с редким эстетическим тактом. Но того ли требовали от литературы «Мечтания», чего требовала потом порожденная ими критика? «Литературные мечтания» приветствовали зарождавшийся тогда, по их мнению, *народный* период литературы, — народность была их коньком⁴. В «Московском наблюдателе» та же критика заговорила туманным абстрактным языком Гегеля, оседлала другого коня — художественность, во имя художественности ругала немилосердо Занда и Шиллера, мечтала о примирении с действительностью, буквально принимая змееобразное положение учителя: Was ist — ist vernünftig⁵: адепты ее ходили какие-то одурманенные, с головой наизнанку, погружались в unendlichen Geist⁶ Гете и т. д. Такою перешла она в «Записки». Скоро сказывается сказка, но еще скорее делалось дело. Заездили совсем бедную *художественность* — оседлали другого коня, коня быстрого, *Пафос*. На Пафосе и доехали до сатурналий и до тех положений, что гвоздь, выкованный рукою человека, лучше и изящнее лучшего цветка природы, что нужна многочисленная беллетристика, а не художественные произведения, что Татьяна виновата пред судом совести, не отдавшись Онегину. Которому же из исторических фазисов этой критики прикажете вы кадить, г. Новый Поэт? Первому нельзя — потому что наши требования народности от литературы выросли, сравнительно с требованиями эпохи исторических романов; второму — смешно, потому что попадешь в schöne Seelen⁷; — в третьем вы сами разуверились, как это ясно свидетельствуется в вашей же критике многими статьями, в которых с подобающим уважением говорится о старой литературе, восстанавливаются многие легкомысленно разрушенные авторитеты, осмеиваются многие моральные крайности. Приписать ли это апатии, до которой уездили последнего коня, другому ли чему, только — это так.

Наше направление застало критику на повороте к апатии: Пафос употреблялся уже только на пародии стихотворений, желчь негодования изливалась в повестях только на несчастных господ, у которых нет сзади пробора, восторги истожились. Один лишь голос возвышался резче других, и странен был этот голос. Мы говорим об Иногородном Подписчике, который кончает теперь как серьезный и честный литератор, начавши дело как гаер. Почему же именно даровитейший из представителей вашего направления в критике, вступая на арену литературы, не нашел в душе никакого иного убеждения, кроме пересмешничества?.. Ясное дело, потому, что эстетическое чувство претило ему сделаться прозелитом безобразий натуральной

⁴ О том, как скудны и смутны были в оны дни представления о народности, основанные преимущественно на псевдоисторических романах, — как *малым* довольствовались в этом отношении — нечего и говорить (*примеч. Григорьева*).

⁵ Что существует — существует разумно (*нем.*).

⁶ Бескрайний дух (*нем.*).

⁷ Прекраснодушные (*нем.*).

школы, а знакомство с хорошими образцами своей литературы и других литератур отвращало его от обыденных продуктов г-жи Евгении Тур, г. Чернышева и иных: к сожалению — выше всего этого он стал сначала только с фешенебельной точки зрения. С этой-то точкой зрения мы и враждовали. Что же касается до полемики против остальной критики, то мы боролись собственно не с нею, а с следами прежней критики, в ней уцелевшими, потому что полемика возможна только против мысли и во имя мысли.

Вы спрашиваете: «что же после этой критики сказала нового заносчивая критика “Москвитянина”? В чем и где ее *новое* слово? В г-не Островском!..» Да, пожалуй, в Островском, как художнике, мы от этого не отрицаемся. Вводит новое в жизнь не критика, которой дело заключается только в разъяснения нового, — а произведения искусства. Глубоки в этом отношении слова Гоголя в его «Авторской исповеди», на которые мы желали бы обратить ваше внимание. А что Островский нов, со всеми своими достоинствами и недостатками, это ясно для публики, если не ясно для одряхлевшей критики. Мало ли что темно для критики? Критике, например, как видно из вашей же статьи, и огромный по значению в общественной жизни, и огромный же по значению историческому купеческий класс, класс средний, класс, составляющий, так сказать, цвет собственно народных соков, класс, в котором, при многих, может быть, комических сторонах, сохранились наиболее остатки народного быта и развились притом на свободе, широко, вольно, — критике этот класс кажется мелким! Не с такой критикой мы толкуем, или, лучше сказать, толкуем с ней постольку, поскольку видим в ней следы прежних, то есть хоть каких-нибудь сильных и живых начал. Что же касается до критики теперешней, то она находится в каком-то неопределенном состоянии, и ее так легко обличить, что даже рецензенты «Библиотеки для чтения» («Библиотеки для чтения») — подумайте об этом, г. Новый Поэт!) обличают ее весьма успешно в июльской книжке. Вот оно куда пошло! После этого «Пантеон» скоро начнет борьбу с этой критикой!

Да и нельзя иначе. Выходит Пушкин — и какие же статьи являются по поводу нового издания, за исключением превосходной статьи г. Дружинина в «Библиотеке для чтения»? Вышел Гоголь — и каких же статей ждать о Гоголе, после статей, появлявшихся о нем в последнее время, статей, или подыскивающихся под личность автора «Мертвых душ», как статья в «Отечественных записках» по поводу «Опыта биографии Гоголя», статья, непристойная по тону, возмущающая душу содержанием, большею частью не литературным, — после множества странных выходов в разных журналах и в разных газетах? Да позволено будет нам коснуться поподробнее этих отношений современной критики к двум первостепенным нашим деятелям. Начнем с Гоголя, тем более что имеем к этому личный повод, давно лежащий у нас на сердце.

В «Отечественных» записках» прошлого, 1854, года, в отделе «Журналистики», № 7, на стр. 48 напечатаны следующие строки:

...Наш Гоголь в своем отрывке «Рим» вздумал дать почувствовать Италию, изобразив ее самыми яркими красками, и одними яркими, и картина ему не удалась.

Кстати, по поводу этой картины «Рима», написанной Гоголем, мы прочли у г. Г. (в «Москвитянине») *неожиданно оброненное* им следующее выражение: «На Гоголя не без основания, пожалуй, нападали за его “Рим”; в самом деле, стремясь все черты передать словом, как будто бы кистью, он громоздит черту на черту, ослепляет яркостью красок, вынужден для того, чтоб передать тот или другой оттенок изображаемых им предметов, прибегать к выражениям ярким, но малоупотребительным, вынужден, чтобы передать (? что? — спрашиваем мы — и вправде спросить, потому что, печатая чужие слова, да еще в обличение, нужно же хоть продержат поаккуратнее корректуру) — укладывать мысль в нескончаемо длинный период».

Мы с удовольствием прочли эти строки г. Г., который так сильно восхищался некогда «Римом» Гоголя.

Очень неприятно бывает всегда разрушать чужое удовольствие — но нельзя не пояснить, хотя и поздно, что в этом мы не имели в виду доставить удовольствие рецензентам «Отечественных» записок» и к их удовольствию не подавали ни малейшего повода.

Клочок (это настоящее слово) из нашего рассуждения, приводимый «Отечественными» записками» в подтверждение их мысли, не только не подтверждает ее, взятый в связи с тем довольно длинным рассуждением, из которого он вырван, но положительно опровергает. Клочок вырван из статьи нашей о «Трех письмах» неизвестного автора, находящегося, в отношении к манере, под очевидным влиянием гоголевского «Рима», о тех самых «Трех письмах», которые мы признали раз за одно из замечательных произведений современной словесности и постарались доказать это по крайнему разумению. Теперь: если защищается и хвалится произведение, напоминающее манерою своею другое, написанное под сильным влиянием этого другого, — то кольми паче (прямой логический вывод) хвалится это другое. Так это или нет?

Самое желание подражать такому образцу (ибо «Рим» считаем мы одним из совершеннейших произведений нашего великого поэта) показалось нам в авторе залогом природы истинно поэтической, тем более что подражание это — не мертвая копия.

Вот наши слова на 84 странице нашей статьи, следующей за 83, из которой вырван «Записками» выше приведенный клочок. Самый этот клочок имеет смысл только в связи с рассуждением, доказывающим, что нельзя называть вычурностью стремление к пластичности в слове, оправдывающим не только великого художника слова, каков был Гоголь, но художников кисти или резца, как, например, г. Рамазанов, которые стремятся словом передать пластические тонкости.

Увы! для кого же и для чего же писали мы все это с горячим убеждением, с твердою уверенностью в ясности и зрелости многих мыслей, выработанных и прочувствованных нами, с любовью к правде, с благоговением перед искусством? Из целой статьи, касающейся многих весьма важных вопросов, — выписано одно только место, и выписано для того, чтобы навязать нам мысль не нашу. Честно ли это? — спросим мы прямо и смело «Отечественные записки».

С негодованием и с грустью читали мы эти строки в критике журнала, хотя и враждебного нам по направлению, но до сих пор еще не пятнавшего себя сообщничеством с некоторыми газетами, нападающими на все великое в русской литературе, в особенности на память творца «Рима» и «Шинели». Вслед за тем прочли мы в одной из таких газет — статейку о «причинах успеха сочинений Гоголя», и еще в одном журнале, отличающемся таким же антинациональным духом (если только есть у него какой-либо дух), как и упомянутая газета, — статейку, в которой «Ревизор» называется между прочим ничтожною комедиею, и т. д. Тяжело и, признаемся, стыдно стало нам — тяжело и стыдно за литературу, в которой голос того, кто учил обращаться с словом честно, был глас вопиющего в пустыни!

Боже! прах великого человека недавно еще прикрыт могильною плитою — а уже впечатление, оставленное в душах его горестною кончиною, остыло — и бесстыдное глумление преследует его за гробом — благо, замолк этот карающий смех, обличительный смех над злом и пороком, над тупоумием и ложью, — благо, закрылись эти пронизательные соколиные очи, неумолимо следившие людскую пошлость, — благо, в пыли валяется грозный бич, стегавший больно всякую неправду.

Много печальных размышлений пробежало в голове пишущего эти строки над могилою великого, благородного, честного труженика — которой пошел он поклониться еще раз, прочтя несколько статей разных газет и журналов. Возражать на них — значило бы мало чтить память великого человека: если я позволил себе

и теперь, по прошествии года почти, начать укором «Отечественным запискам», то единственно из сравнительного уважения к ним — и отчасти из чувства личного негодования. Как ни малы мои собственные заслуги в русской литературе, но я позволяю себе считать за заслугу одно — честное служение Гоголю при жизни его и по смерти — и с гордостью повторю, что при появлении «Переписки с друзьями» только две критических статьи отнеслись к Гоголю с прежним уважением — статья Степана Петровича Шевырева в «Москвитянине» и моя — в издававшемся тогда «Московском городском листке». И как в этой статье, так и во всех моих статьях, в которых говорилось что-либо о Гоголе, при жизни ли его («Возражение Просперу Мериме» — «Москвит~~ян~~ин» 1851 г. — «Обозрение литературы» — «Москвит~~ян~~ин» 1852), по смерти ли («Обозрение литературы», Москвит~~ян~~ин 1853 г. и многие другие статьи), я повторяю одно и то же — что «Рим» считаю я одним из совершеннейших произведений Гоголя, наравне с «Шинелью», — и повторения эти связаны для меня с моим общим взглядом на двойственность натуры нашего поэта, высказанным мною с достаточною, как кажется, ясностью во всех приведенных статьях. «Рим» дорог для меня, кроме своей художественной красоты, еще тем, что нигде поэт-идеалист и лирик «Вечеров на хуторе», «Тараса Бульбы», «Невского проспекта», «Портрета», «Разъезда» — не высказал с такою полнотою и ясностью своих положительных требований от жизни общественной и внутренней, — как нигде с такою беспощадной последовательностью не проводил он их отрицательно, как в «Шинели».

Нападок на «Рим», на лирические места «Мертвых душ», на мистицизм «Портрета», на суровый, аскетический идеализм «Переписки» — одним словом, на положительную сторону гоголевского идеализма — в течение нескольких лет наберется весьма много — и притом в тех литературных направлениях, которые превосходно ценили и тонко понимали отрицательную сторону этого идеализма.

Вопли на отрицательную сторону сосредоточивались, как известно, в одном журнале, который много лет трудился над похвальным делом — изуродовать русский язык полонизмами — и, не успевая в этом, с ожесточением кидался на все замечательное в русской литературе, — и в одной газете, которая, выхваляя различные кондитерские и другие заведения, ратоборствует между прочим за чистоту русского языка и, главное... за чистоту нравственности, понимаемой ею особенным образом.

Как в Гоголе самом видели и видим мы две стороны, так в нападениях на него также две стороны. Как та, так и другая сторона нападений имеют свои основания, свои причины — которые раз навсегда мы и решаемся *разъяснить* до той очевидности, после которой говорить будет не об чем. Эти-то причины и составляли для нас предмет тяжелых и печальных размышлений.

Разделим же наши замечания на две половины.

1) О причинах нападений на положительный идеализм Гоголя — автора «Рима» и «Портрета».

2) О причинах нападений на отрицательный идеализм Гоголя — автора «Шинели» и «Ревизора». Уверены наперед — не по ложному самолюбию, а по важности предмета, что первая половина будет весьма поучительна, вторая — весьма обличительна, а обе вместе весьма печальны.

1) О причинах нападений на положительный идеализм Гоголя — автора «Рима», «Портрета» и проч.

Поищем в самом Гоголе этих причин — и возьмем для сей цели его «Рим», не нравящийся в особенности той стороне, для которой положительный идеализм Гоголя был оскорбителен. Главная идея «Рима» — сопоставление мишурной, хотя блестящей и мятущейся цивилизации лицом к лицу с спокойным, величавым

миром искусства, воспоминаний, простых, но полных красоты форм жизни, сопоставление, при котором преимущество выходит явно и правильно на стороне последнего — торжество искусства над всеми чудесами промышленности, простоты над блеском, спокойной тишины над вечным шумом, чистой красоты над искусственностью.

С таким содержанием явился «Рим» в ту эпоху литературы, когда проповедовалось, что «гвоздь, выкованный человеческими руками, — лучше и дороже самого роскошного цветка в природе», что «лучше, если бы в русской литературе было поменьше художественных произведений, а побольше беллетристики», и другие нелепости, все выходявшие из одного взгляда или, лучше сказать, нанесенные одним поветрием.

«Рим» был, кроме того, первым неожиданным шагом Гоголя. До «Рима» — многим поклонникам его гения казалось, что он казнит невежество и другие грубые пороки перед идеалом современно-образованного человека, идеалом, который всем образованным людям доступен и многим может быть по плечу. Не хотели видеть, что уже в «Невском проспекте» проглядывает желчное негодование на мишуру и фальшь поверхностной образованности, — не хотели видеть, что Хлестаков есть один из ее представителей, а Городничиха, мечтающая об *амбре*, — одна из ревностных адептов прогресса, со стороны его комфорта и внешнего блеска, — не хотели ничего этого видеть, — писали тысячи повестей на тему борьбы развитых и тонких натур с грубостью и невежеством окружающего их быта — и потому весьма неприятно были удивлены, 1) тем, что Рим, то есть величавое искусство, простота, воспоминания, — поставлен поэтом неизмеримо выше Парижа, то есть настоящего, кипящего тревожною жизнью цивилизации, 2) тем, что душа героя «Рима» не удовлетворилась жизнью, кипящей тревогой, газетными толками, роскошью комфорта и т. д. — а ожила, напротив, только что вдохнула в себя воздух родных воспоминаний, простого безыскусственного быта и т. д.

«Рим», наконец, так явно высказывал точку зрения великого комика на родной наш русский быт, так оправдывал его во всех взводимых на него клеветах в том, что будто бы он чернит Россию. Многих поразило тогда приложение Рима к Москве, к Руси вообще, полной воспоминаний прошедшего, чистых стремлений, невозмутимой семейной тишины... «Рим», одним словом, служил прологом к «Мертвым душам», в их настоящем, русском значении, а не в том, которое хотели и хотят еще доселе придать им — забывая, одни по злобе, а другие по тупоумию, — что герой их Чичиков — трагическая жертва стремлений к комфорту, внешнему блеску, вообще к тому, что на европейском языке зовется прогрессом; не обращая внимания на могучую поэзию картин коренного быта, разбросанных по всей поэме, на дух целого.

Sapienti sat⁸ — и мы полагаем, что слишком очевидны причины вражды не только к тому, что Гоголь высказывал в «Риме», в «Мертвых душах» в виде предчувствия, как лирик, — но и к тому даже, что Островский полагает теперь уже с полным спокойствием, как драматург, — ибо он продолжает самостоятельно то, на чем остановился и по натуре своей должен был остановиться Гоголь.

2) О причинах нападений на отрицательный идеализм Гоголя — автора «Шинели» и «Ревизора».

В этом случае причины гораздо многосложнее и запутаннее, потому что они — мельче.

Первая причина заключается вообще в ненависти к правде и к обличению — свойственной всякой неправде, самолюбивой посредственности, грубым порокам

⁸ Мудрому достаточно (лат.).

и тонким порокам, продажности, хвастливости, тупоумию — причина общая, психологическая.

Вторая причина — историческая. Есть национальность, которая нам — родная, хотя и много отличается от нашей своими чисто-южными свойствами, родная по вере и общей святине, по исторической борьбе, по языку, по песням, даже по безжалостной насмешливости, — национальность даровитого славянского племени, из которого происходил наш общий Гоголь, родной нам, великорусам, столько же, сколько и малороссиянам. Но кроме этих двух родных национальностей, есть еще другие, — так, как, по мнению Ивана Антоновича Кувшинного рыла, — не один Иван Григорьевич, а есть еще и другие...

Засим начинаются уже мелкие причины:

1) До Гоголя можно было писать разные нравоописательные рассказы.

2) До Гоголя был в ходу нелепый романтизм и писались различные «Аббадоны», «Блаженства безумия» и проч.

3) До Гоголя не знали, что такое юмор, и считали простодушно за юмор непристойное паясничанье разных фантастических путешествий.

4) До Гоголя можно было безнаказанно и весьма удобно писать исторические романы, снимая изображения знаменитых предков прямо с кучеров их потомков.

5) До Гоголя ловчее было иному господину, прикрывая себя маской блюстителя благочиния и нравственности в литературе, в мутной воде рыбу ловить.

6) До Гоголя не выведены были на свежую воду различные невинные маневры господ, кричащих о нравственности и обижающихся всяким прямым обличением гадости и неправды, — в особенности маневр при всяком подобном случае обвинять обличителя в оскорблении отечества. Гоголевский «Разъезд» был поэтому — горем *непереносимым* для любителей таких маневров.

7) До Гоголя — можно было безнаказанно и даже с некоторого рода милым остроумием объявлять во всеуслышание, печатно теорию «битья по карманам» в литературе. Слова, что «с словом надобно обращаться честно», — были тоже непереносны для таких остроумных людей.

8) Гоголь, будучи другом Пушкина, Жуковского и других литераторов, говоря им словесно и печатно: ты, — не был в сношениях со многими другими, с теми другими, которых понимает Иван Антонович Кувшинное рыло, и притом до такой степени, что даже и по смерти они не могли выискать повода навязаться в друзья к нему, как навязывались они — и притом довольно успешно — в друзья к другим покойникам, подобно неотвязным червям.

9)... Но не довольно ли исчислять причины?... Дело в том, что Гоголь был поэт оскорбительный с двух сторон: так уж Бог его создал! — и мог бы сказать о себе:

В меня все ближние мои
Кидали бешено камень!

Ясно, что из таких отношений критики к Гоголю не может в настоящую минуту произойти правильная оценка произведений одного из первостепенных представителей русской мысли и русского слова. Ясно, что при таких отношениях жаркие поклонники невольно увлекутся весьма понятным пристрастием, которое, без сомнения, выше обозначенных нами отношений, но все-таки отводит от решения вопроса о значении Гоголя, о причинах болезненного нравственного процесса, в нем совершавшегося, о причинах недовольства художника самим собою и своими трудами: ибо если под причины душевного переворота станут подыскиваться таким непохвальным образом и с такою неприязненностью, какие видны в статье «Отечественных» записок» по поводу «Опыта биографии», — или если будут продолжать петь ту старую песню о «Переписке», которую поет г. Новый Поэт, — или

если будут различать Гоголя, автора «Рима», от автора «Шинели» и «Ревизора», не видя внутренней связи между этими произведениями, — естественно, что всякое добросовестное желание объяснить значение Гоголя замолкнет, ибо всякое объяснение будет истолковано враждебно, судя по фактам. В критике таится еще что-то против Гоголя, что-то, иными смутно, иными ясно сознаваемое, но во всяком случае препятствующее правдивой оценке его деятельности.

Ничего такого нет, да и не может быть в отношениях критики к Пушкину, для которого наступает уже потомство, — и между тем все статьи, появляющиеся по поводу превосходного издания его сочинений, за исключением отличной статьи даровитого г. Дружинина, напечатанной в «Библиотеке для чтения», свидетельствуют о крайнем бессилии и истощении критики. Кажется, современная критика уверена, что не только о Пушкине, но и обо всех писателях его периода все уже сказано и нечего больше говорить. Вот как выражается, например, этот взгляд по поводу нового издания сочинений Козлова («Современник»). Июль. Библиография, стр. 7):

Это издание — перепечатка прежнего, вышедшего лет пятнадцать тому назад. Прежнее издание, как было уже доказано в свое время, не отличалось совершенною полнотою и, между прочим, пропустило одно из довольно значительных произведений, в котором поэтически рассказывается жизнь Байрона. Таким образом, для желающего *открывается полная возможность пуститься в мелочные розыски о пропущенных и старым, и новым изданиями стихотворениях автора «Чернеца»*. Открывается и другое поле для новых разысканий по случаю нового издания сочинений Козлова — подробной биографии его не существует; всем известно только, что он сделался поэтом, когда имел несчастье ослепнуть.

И, показавши достаточно собирателей мелких библиографических известий, статья говорит (стран. 9):

Прежний библиографический жар уже значительно остыл, но возбужденные им голословные толки о необходимости подвергнуть нашу литературу новой оценке, о неосновательности прежних суждений и т. д. все еще продолжают — потому неизлишне возразить на них фактами. *Русским писателям остается еще так много сделать для удовлетворения нуждам настоящего, что всякая трата времени и мыслей на переделку того, что уже прекрасно сделано их предшественниками, приносит положительный ущерб литературе*. Нива настоящего — выражаясь фигуральным языком — нуждается в деятелях, а не бесплодные пустыри прошедшего, поле которого (мы говорим об истории русской литературы) давно исследовано, насколько требовалось и допускалось им исследование.

И в доказательство, что все в прошедшем уже исследовано давно, приводится статейка о Козлове из старых «Отечественных» записок» как *диво некое*, суждение о сочинениях Козлова, которое — по словам библиографа «Современника» — «делает совершенно бесполезными всякие дальнейшие исследования и переисследования о их достоинствах и значении для русской литературы». Полно, так ли? Статьейка действительно писана одним из даровитейших людей, но как все, что писал этот даровитый, но малограмотный человек, представляет какой-то хаос с яркими проблесками света; две-три удивительно верных мысли, два-три тонких замечания в хламе парадоксов, горячих обмолвок, пристрастных крайностей; такие статьи должны быть сами подвергнуты оценке — и необходимость подвергать их таковой оценке подтверждает как нельзя более выше высказанную нами мысль, что в настоящей критике полемика может бороться только с следами критики прежней: настоящая истощенная, одряхлевшая критика ссылается только на прежнюю, — убеждена, что прежняя критика все уже сделала, что больше и делать нечего. И она права в отношении к себе: ей точно нечего делать.

Рассмотрим же для примера приводимую «Современником» статью. Это не будет уклонение, ибо наглядное объяснение причин, почему современная критика

не видит для себя дела в сочинениях второстепенных писателей, как Козлов, подведет нас к причинам, объясняющим бесцветность критической деятельности в отношении к Пушкину.

Слава Козлова, — так начинает приводимая библиографом «Современника» статья, — была создана его «Чернецом». Несколько лет эта поэма ходила в рукописи по всей России, прежде чем была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слез с прекрасных глаз; ее знали наизусть и мужчины. «Чернец» возбуждал в публике не меньший интерес, как и первые поэмы Пушкина, с тою только разницею, что его совершенно понимали: он был в уровень со всеми натурами, со всеми чувствами и понятиями, был по плечу всякому образованию. Это второй пример в нашей литературе после «Бедной Лизы» Карамзина. Каждое из этих произведений прибавило много единиц к сумме читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую в прозе положительной жизни. Блестящий успех при самом их появлении и скорый конец — совершенно одинаковы: ибо повторяем, оба эти произведения совершенно одного рода и одинакового достоинства: *вся разница во времени их явления, и в этом отношении «Чернец», разумеется, несравненно выше.*

Мысль сближения «Чернеца» с «Бедной Лизою» удивительно верна с точки зрения исторической критики, — но неизмеримая высота «Чернеца» перед «Лизою», основанная на одном только времени их издания, вышла из мысли дикой вообще, а к искусству и вовсе неприменимой. Ведь если мерить достоинство произведения по времени их выхода, так современная французская комедия будет выше мольеровской, и т. д. Мало ли вообще до каких нелепостей можно доехать на коньке времени! Засим критик седлает пафоса и продолжает:

Содержание «Чернеца» напоминает собою содержание Байронова «Джяура» — есть общее между ими и в изложении. Но это сходство чисто внешнее: «Джяур» не отражается в «Чернеце», даже и как солнце в малой капле воды, хотя «Чернец» и есть явное подражание «Джяуру». Причина этого заключается сколько в степени талантов обоих певцов, столько и в разности их духовных натур. «Чернец» полон чувства, насквозь проникнут чувством — и вот причина его огромного, хотя и мгновенного успеха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страдания Чернеца возбуждают в нас сострадание к нему, а его терпение привлекает к нему наше расположение, но не больше. Покорность воле Провидения (Resignation) — великое явление в сфере духа; но есть бесконечная разница между самоотречением голубя, по натуре своей неспособного к отчаянию, и между самоотречением льва, по натуре своей способного пасть жертвою собственных сил: самоотречение первого — только неизбежное следствие несчастья, но самоотречение второго — великая победа, светлое торжество духа над страстями, разумности над чувственностью. *Вот почему даже лютое отчаяние, если оно является в форме несокрушимой силы духа, горделиво и презрительно несущей свое несчастье, — в тысячу раз сильнее и обаятельнее действует на нашу душу, чем бессильное смирение, тихо льющее сладкие слезы примирения. Примирение — самый торжественный акт духа, но только тогда, когда он совершенно свободен и совершается собственно силою человека. Глубок и велик тот, в ком лежит возможность не одного примирения, но и вечного разрыва.*

В этой тираде, кроме указания на заимствованное из «Гяура» содержание «Чернеца», все остальное есть пафос. Пафос этот, во-первых, к делу не идет, ибо Козлова надобно было и мерить условиями натур, ему родственных, а не условиями природы Байрона, ему чуждой, — и вместо определения натур, подобных Байрону, следовало бы в самых стихотворениях Козлова уловить его собственный нравственный образ, показать, во что именно в натурах нежных и кротких претворяется байроновское разочарование, и т. д. Во-вторых, пафос этот хотя и пафос истинный, но односторонний. Чем же голуби виноваты, что они не львы? В-третьих, самая сила этого пафоса была вредна тем, что заставила, может быть, не одного литературного и нравственного голубя раздуться всеми мерами во льва. Рецензент так красноречиво рассказывает о волканических натурах, что невольно дразнит ими и дразнит неуместно: то, что было бы хорошо в статье о Байроне, — действовало весьма вредно, когда появлялось беспрестанно во всех статьях, как в этой статье

о Козлове, — а между тем род деятельности Козлова и нравственно-поэтический образ его нисколько не определяло.

Тем не менее, страдания Чернеца, высказанные прекрасными стихами, дышащими теплотою чувства, пленили публику и возложили миртовый венок на голову слепца-поэта. Собственное положение автора еще более возвысило цену этого произведения. Он сам особенно любил его перед всеми своими созданиями.

И в самом деле, две другие поэмы Козлова, «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная», уже далеко не то, что «Чернец». В них, особенно в первой, есть прекрасные поэтические места, но в них нет никакого содержания, почему они растянуты и скучны в целом. В «Безумной» даже нет никакой истины: героиня — немка в овчинном тулупе, а не русская деревенская девка.

Это уже оценки голословные. Поэма «Наталья Борисовна Долгорукая» — страдает не недостатком содержания, прекрасного и поэтического, а ходульностью приемов в изображении предметов, ходульностью, не выкупаемую даже прекрасными поэтическими местами. В «Безумной» же точно нет никакой истины, но опять не потому, почему думает рецензент, допускающий только в немках ту возвышенность чувства и ту степень страстности, в которой он отказывает *русской деревенской девке*, а от неумения Козлова взяться за дело проще.

Далее рецензент весьма справедливо замечает о балладе «Венгерский лес», что, кроме хороших стихов, она не имеет никакого значения, но несправедливо упрекает Козлова в недостатке сжатости перевода «Крымских сонетов». Кто знаком с подлинником, тот поймет, что лучше Козлова передать их по-русски почти нельзя. Справедливо замечание о недостатке энергии в переводе «Абидосской невесты», но надобно было упомянуть, что это замечание не относится ко многим другим переводам из Байрона: нельзя было не остановиться на таких удивительных воспроизведениях, как «Ночь в замке Лары», «Явление Франческа», сцена из «Манфреда»; нельзя было пройти молчанием задушевность, мелодичность, благоухание многих других воспроизведений слепого певца, каково известное место Дантова «Ада» «Франческа», переданное во «Сне» с удивительною грустью и мелодичностью, переданное так потому, что оно было почувствовано глубоко даровитым поэтом.

Франческа! Я грустил твоей тоскою —

говорит он и воспроизводит в чудных, задушевных стихах ее исповедь. Нельзя было опустить из виду того пламенного русского чувства, которым проникнуты обращения Козлова к Москве, к родине — прекрасные лирические места его поэм и посланий. Вообще то, что Козлов русский поэт, и в какой степени он русский поэт, и что именно в его чувствах — русского, — все это не входило в рассмотрение, равно как не определена степень его самобытности, его особенности, — а статья «Современника», выписывая эту статью, уверяет, что после нее говорить больше нечего. Бедный Козлов почему-то не отнесен даже к числу художников, — за ним не утверждена даже его оригинальность, очевидная для его читателей, несмотря на то, что большая часть его произведений — переводы, — а между тем «Современник» думает, что о нем нечего говорить — и вот как кончает свою статью:

Кто читал сочинения Козлова, тот согласится в верности и полноте суждения, приведенного нами. Что же можно прибавить к этим словам, сказанным уже давно? Разве новые исследования о различных редакциях «Чернеца» (отчего же нет? и это бесполезно, только не в статье, конечно, а в новом, хорошем издании Козлова) или новые подробнейшие сличения «Безумной» с «Чернецом» (да — если такие сближения и сличения наведут на указание настоящих, а не воображаемых недостатков Козлова) и перевода «Абидосской невесты» с оригиналом (не мешает)? Или разыскания о том, в каком журнале в первый раз напечатано то или другое стихотворение (в хорошем, добросовестном издании, опять-таки, и это не мешает — и смешного тут ровно нет ничего. Козлов стоит

хорошего издания). Или рассуждения с целью доказать, что «Венгерский лес» не есть подражание, а творение самостоятельное, высокое, значение которого доселе не объяснено? Можно, если угодно, делать и это, но прежде должно подумать о том, не лучше ли употребить время и труд на что-нибудь более важное.

Мы от души желаем, чтобы критика наша употребляла время и труд на что-нибудь вообще важное, но, к сожалению, этого не видим... В важных случаях видим только ссылки на прежнее — там, дескать, всё уже решили.

Перейдем же теперь к критическим статьям, явившимся по поводу нового издания сочинений Пушкина. Повторим опять, что все они, за исключением статьи г. Дружинина, о которой мы скажем несколько слов под конец нашего рассуждения, обличили крайнее бессилие критики. Критик «Современника» был всех откровеннее; он решительно сказал, что «давно уже произведения Пушкина превосходно оценены и, насколько то возможно было, объяснены эстетическою критикою». Другие только перефразировали «Материалы для биографии Пушкина» г. Анненкова и излагали их содержание. Неужели в самом деле только и может делать в наше время критика в отношении к Пушкину, что ссылаться на старую критику да перепечатывать труд г. Анненкова? Что же такого фундаментального сделала старая критика? Да ежели бы даже и сделала она что-либо, то неужели трудами ее и исчерпывается вся возможная деятельность эстетическая в отношении к такому писателю, каков Пушкин? Ежегодно в Германии и нередко в самой Англии являются новые сочинения о Шекспире, и никому в голову не приходит, чтобы труды Колериджей, Дреков, Ульрици, Гервинусов, даже Зиферсов были бесплодны. Во Франции — до сих пор занимаются историческою и эстетическою оценкою писателей XVII века — а тут объявляют, что нечего больше и говорить после старой критики о таком великом поэте России, каков был Пушкин. Согласитесь, что подобной мысли никогда и нигде еще не провозглашалось печатно, кроме несчастной русской литературы, страдающей постоянным недугом безнравственности!

Но, однако ж, что сделано критикою в отношении к Пушкину такого, что исключало бы возможность всякой деятельности или, по крайней мере, настоятельную потребность ее? Критические статьи о Пушкине нам довольно хорошо известны. Мы знаем, что много хороших частных находок найдется в статьях, современных появлению его произведений, знаем, что много прекрасных эстетических замечаний наговорено в статьях о Пушкине, тянувшихся в прежних «Отечественных записках», из которых четыре первых, самых громадных, к Пушкину не относятся, а толкуют, как «*ничто*», написанное Воркуловым Евдокимом, — «*обо всем!*», — что прекрасные эстетические замечания надобно часто искать в этих статьях в хаосе необузданного пафоса, бесконечных отступлений, диких нравственных положений и т. д., — что над этими статьями, одним словом, нужно тоже совершить работу и извлечь из них существенное и нужное. Мы знаем, кроме того, статьи г. Мартынова в «Маяке», обвинявшие героев Пушкина в уголовных преступлениях, самого же поэта — в безбожии и безнравственности, мы знаем статьи Полевого, статьи г. Недоумки, — мыслителя, без сомнения, честного, но человека без эстетического вкуса, как доказывают все статьи его, преимущественно же «Разговор о «Борисе Годунове»» — где он бросает перчатку за Пушкина, а сам не понимает в «Борисе» решительно ничего, — и знаем, что ничем нами исчисленным не только не исчерпана эстетическая критика в отношении к Пушкину, но едва ли и начата порядком. Совершен ли труд над Пушкиным как над поэтом общеевропейским, то есть определены ли особенность его взгляда на жизнь, художественной манеры и проч. сравнительно с другими великими его собратиями — с Шекспиром, Гете, Шиллером, Байроном, Мицкевичем и иными? Показано ли значение его как поэта народного, определены ли элементы, из которых истекла его творческая деятельность,

влияния, которым он подвергался, и влияния, им произведенные? Исследованы ли плоды его деятельности — изъяснен ли из собственных его произведений — его поэтично-нравственный образ? Возьмите, например, одно чувство любви, отношения к женщине, и проследите его у Пушкина сравнительно с другими его собратьями: если найдете резкие особенности — объясните их народностью поэта или свойствами его натуры и т. д. Над Пушкиным надобно работать, надобно *начать* на нем перевоспитываться морально и эстетически, если воспитывались не на нем, а на г. Некрасове, Щербине и иных. О языке пушкинском, о стихе его сказано ли что-нибудь дельное и основательное... *Дело* в отношении к Пушкину сделано только г. Анненковым, сделано честно, умно, талантливо, за что ему и поклон от лица всей России, — но нельзя же только обирать труд г. Анненкова, а надобно делать что-либо и самим. Что же сделано при появлении издания критикою? Критика «Отечественных» записок» избрала себе цель довольно скромную — указать на достоинства и недостатки издания. Критик «Современника» в двух статьях перефразирует труд г. Анненкова, в третьей приступает к труду самостоятельному. Какую же самостоятельную задачу избрал себе критик «Современника»?.. Странно и вымолвить, в чем заключается эта самостоятельная задача. Непонятно даже, как такая задача может прийти первая в голову критика, принимающегося за Пушкина. Эта задача — не более не менее как — оправдание отношений критики к деятельности Пушкина, доказательство несправедливости горьких жалоб или горького равнодушия поэта к его ценителям!!! Читатели, может быть, не верят?

Обыкновенно говорят, будто бы с самого появления «Руслана и Людмилы» началось шумное и чрезвычайно сильное критическое движение в тогдашних журналах: многие даже воображают, будто борьба против и за Пушкина в течение целых шестнадцати лет (1820–1836) так же занимала перья журналистов, как, например, в последующее время прения против и в защиту натуральной школы, два или три года постоянно одушевлявшие русскую журналистику. Такое понятие не совсем точно. Если собрать все, что было написано в журналах двадцатых годов о всех произведениях Пушкина до «Полтавы», то масса будет менее, нежели то, что было в наше время написано, например, по случаю появления комедии г. Островского «Бедность не порок». В тощих книжках тогдашних журналов страницы наполнялись переводами, бесчисленными стихотворениями и вялыми статьями о неимоверно сухих предметах. Отзывы о явлениях литературы ограничивались обыкновенно очень немногими страничками, если не строками. Только в последнее время деятельности Пушкина критика получила более развития (NB. Положим, что все это и правда, но что же это доказывает? Не отсутствие движения, а отсутствие толщины в журналах и пухлости в статьях. Движение было — постоянное, сильное, хотя и не выражалось огромными статьями. Мы вот теперь пишем большую статью в доказательство отсутствия движения в нашей критике!) *Другая ошибка, еще важнее, состоит в том, что думают, будто критика, современная Пушкину, не умела ценить его.* Мы вовсе не имеем желания превозносить прошедшее: готовы сказать о нем вообще, что его значение преувеличивается даже теми людьми, которые наиболее строго судят о нем. Но тем не менее должны мы сказать, что люди умные и, по своему времени, очень проникательные существовали всегда; *что каковы бываюти писатели, точно таковы же бываюти критики — те и другие рождаются одним и тем же обществом.*

Стало быть, по Сеньке шапка, по Пушкину Полевой! — прекрасное заключение — и на основании его-то построил свою статью безымянный критик. Вся цель его статьи — доказать, что критика «Телеграфа» и других журналов в отношении к Пушкину была не так придирчива и пуста, как обыкновенно думают. — И чем же доказывает он свое положение? 1) На стран. 6 своей статьи пародией на стихотворение Пушкина «Поэт и чернь», помещенной в «Телеграфе», пародией, которую, как бесчестящую ее, может быть, одумавшегося сочинителя, не следовало перепечатывать, пародией, ругающей над великим поэтом, имевшим право сказать о себе:

Что чувства добрые я лирой возбуждал,
 Что прелестью живой стихов я был полезен
 И милость к падшим призывал —

пародией, не только не возбуждающей негодования критика, но даже снабженной толкованием, в котором почтенный и даровитый Дельвиг назван литературным клиентом Пушкина!.. Спрашиваем г. критика, думал ли он о Пушкине или вообще о чем-нибудь, переписывая такие стихи пародии, обращенные к поэту:

Лжи, лести, низости уроки
 Ты проповедуешь шутя.
 С твоим божественным искусством,
 Зачем, презренной славы льстец,
 Зачем предательским ты чувством
 Мрачишь лавровый свой венец?

Критик замечает еще снисходительно, что форма пародии очень жестка, но что сам Пушкин выражался жестко в статьях Феофилакта Косичкина! Читал ли г. критик правдивые, благородные статьи Феофилакта Косичкина? Статьи Косичкина устремлены не на лицо, а на темные стороны жизни и литературы, которых лицо является случайным представителем, а пародия обращена на Пушкина, на человека, которому мы все, если не безымянный критик, обязаны лучшей частью самих себя! 2) Далее, беспристрастие и правдивость журналов критик доказывает насмешками над «Евгением Онегиным» и требованиями какой-то *степенности* от поэта — и только. Из двух-трех статей такого же рода г. критик выводит следующее заключение:

Кажется, трудно не согласиться, что и при жизни Пушкина его произведения были оцениваемы не голословно, не пошло, не мелочно.

Нет, г. критик! Вы, видно, не взглянули на историю критики как настоящий историк! Вы, — извините нас, — не проследили даже хорошо критических статей того времени. Даже о статьях г. Недоумки, которого эстетический вкус вы защищаете, — вы знаете, кажется, только понаслышке! Если бы история критики знакома была вам точно по источникам, вы бы не то увидели! Вы увидели бы не те явления, которые приводите, — вас поразило бы странною непонимание Пушкина даже и такую критику, которая умела горячо, пламенно ему сочувствовать, вас поразило бы по преимуществу, что критика *дорастает* постепенно до Пушкина. Каков, например, покажется вам, вот этот отрывок из «Литературных мечтаний» человека, пламенно сочувствовавшего Пушкину, писанный, как вам, вероятно, неизвестно, в 1834 году, отрывок, в котором поклонение Пушкину, несмотря на громкие слова, так еще робко, где еще рассказывается, что Пушкин творил шалая и играя (а мы знаем теперь, благодаря г. Анненкову, как дорого доставались *баловню природы* эти шалости и игры), где еще не узнают Пушкина в его сказках и в его «Анджело». А статья писана пламенным поклонником поэта, который после, повывросши, понимал серьезность пушкинских шалостей и игр, восторгался суровою жесткостью манеры, в которой написан «Анджело», и простотою сказок, хотя не понимал последних, по малой грамотности.

Пушкин был совершенным выражением своего времени. Одаренный высоким поэтическим чувством и удивительною способностью принимать и отражать все возможные ощущения, он перепробовал все тоны, все лады, все аккорды своего века; он заплатил дань всем великим современным событиям, явлениям и мыслям, всему, что только могла чувствовать тогда Россия, *переставшая верить в несомненность вековых правил, самую мудростью извлеченных из писаний великих гениев*, и с удивлением узнавшая о других правилах, о других мирах мыслей и понятий и новых, неизвестных ей

дотоле, взглядах на давно известные ей дела и события. Несправедливо говорят, будто он подражал Шенье, Байрону и другим: Байрон владел им не как образец, но как явление, как властитель дум века, а я сказал, что Пушкин заплотил свою дань каждому великому явлению. Да — Пушкин был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества, но мира русского, но человечества русского. Что делать? Мы все гении-самоучки; мы все знаем, ничему не учившись, все приобрели, не проливши ни капли крови (??), а веселясь и играя (?), словом:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.

Пушкин от шумных оргий разгульной юности переходит к суровому труду,

Чтоб в просвещении стать с веком наравне;

от труда опять к младым пирам, сладкому безделью и легкокрылому похмелью. *Ему недоставало только немецко-художественного воспитания.* (NB! и слава богу.) *Баловень природы, он, шая и играя, похищал у ней пленительные образы и формы, и, сниходятельная к своему любимцу, она роскошно оделяла его теми цветами и звуками, за которые другие жертвуют ей наслаждениями юности, которые покупают у ней ценою отречения от жизни... Как чародей, он в одно и то же время исторгал у нас и смех, и слезы, играл по воле нашими чувствами... Он пел, и как изумлена была Русь звуками его песен: и не диво, она еще никогда не слыхала подобных; как жадно прислушивалась она к ним: и не диво, в них трепетали все нервы ее жизни! Я помню это время, счастливое время, когда в глуши провинции, в глуши уездного городка, в летние дни, из растворенных окон носились по воздуху эти звуки, подобные шуму волн или журчанию ручья...* (NB. Восхитительные поэтические строки! Вот как учитесь писать, то есть чувствовать, г. критик, для того чтобы выступить с статьей о Пушкине, и тогда можете разрешить вопрос — можно или нет еще что-либо нам писать. Не знаем, цените ли вы так, как мы ценим и чувствовали в свое время, всю даровитость этого живо чувствовавшего критика. Это — не Полевой и не г. Недоумко — а между тем, и он *вырастал* с произведениями Пушкина, и его Пушкин определял так же верно и метко, как верно и метко определял он часто одним словом различных деятелей!)

Невозможно обозреть всех его созданий и определить характер каждого: это значило бы перечесать и описать все деревья и цветы *Армидина* сада. У Пушкина мало, очень мало мелких стихотворений; у него по большей части всё поэмы: его поэтические тризны над урнами великих, то есть его «Андрей Шенье», его могучая беседа с морем, его вещая дума о Наполеоне — поэмы. Но самые драгоценные алмазы его поэтического венка, без сомнения, суть «Евгений Онегин» и «Борис Годунов». *Я никогда не кончил бы, если бы начал говорить о сих произведениях.* (NB. А вы, г. критик, думаете, что все покончено, что и говорить больше не об чем, — разве только о *справедливости* критики, современной произведениям Пушкина!)

Пушкин царствовал десять лет: «Борис Годунов» был последним великим его подвигом; в третьей части полного собрания его стихотворений замерли звуки его гармонической лиры. *Теперь мы не узнаём Пушкина: он умер или, может быть, только обмер на время.* Может быть, его уже нет, а может быть, он и воскреснет; этот вопрос, это гамлетовское «быть или не быть», скрывается во мгле будущего. *По крайней мере, судя по его сказкам, по его поэме «Анджело» и по другим произведениям, обретающимся в «Новоселье» и «Библиотеке для чтения»* (NB. А в «Библиотеке для чтения» напечатан был «Гусар», одно из художественнейших произведений поэта!), *мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю.* Где теперь эти звуки, в коих слышалось, бывало, то удалое разгулье, то сердечная тоска, где эти вспышки пламенного и глубокого чувства, потрясавшего сердца, сжимавшего и волновавшего груди, эти вспышки остроумия тонкого и язвительного, этой иронии, вместе злой и тоскливой, которые поражали ум своею игрою; где теперь *эти картины жизни и природы, перед которыми была бледна жизнь и природа* (Ясное дело, что критика была еще молода, когда Пушкин вступал в возраст мужества; выросла — и стала понимать Пушкина-мужа. Но как ей искренно жаль молодости Пушкина! Как свежа и могуча в самом деле эта критика! как верит она в искусство, в то, что произведения искусства могут быть выше произведений жизни и природы, — и что бы сказала она, эта критика, на которую критика теперешняя ссылается, если б увидала дикие положения недавно вышедшей книги г. Чернышевского, встреченной весьма благосклонно критикою, на нее ссылающеюся?) Увы! вместо их мы читаем теперь стихи с правильной цезурой, с богатыми и полубогатыми рифмами (NB. Увы! — можем и мы воскликнуть, — критике неведомо было, как начинало надоедать поэту однообразие этих богатых и полубогатых рифм, как тревожим он был исканием новых форм — увы! все это и мы узнали только из труда г. Анненкова, да не оценили еще по достоинству ни Пушкина,

ни труда его издателя! Увы! увы! увы!), с пиитическими вольностями, о коих так пространно, так удовлетворительно и так глубокомысленно рассуждали архимандрит Аполлос и г. Остолопов! Странная вещь, непонятная вещь! Неужели Пушкина, которого не могли убить ни исступленные похвалы энтузиастов, ни хвалебные гимны торгашей, ни сильные, нередко справедливые нападки и порицания его антагонистов, неужели, говорю я, этого Пушкина убило «Новоселье» г. Смирдина? *И однако ж, не будем слишком поспешны и опрометчивы в наших заключениях; предоставим времени решить этот запутанный вопрос. О Пушкине судить не легко. Вы, верно, читали его «Элегию» в октябрьской книжке «Библиотеки для чтения»? Вы, верно, были потрясены глубоким чувством, которым дышит это создание? Упомянутая «Элегия», кроме утешительных надежд, подаваемых ею о Пушкине, еще замечательна и в том отношении, что заключает в себе самую верную характеристику Пушкина как художника:*

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь.

Да, я свято верю, что он вполне разделял безотрадную муку отверженной любви черноокой черкешенки или своей пленительной Татьяны, этого лучшего и любимейшего идеала его фантазии; что он, вместе с своим мрачным Гиреем, томился этою тоскою души, пресыщенной наслаждениями и все еще не ведавшей наслаждения; что он горел неистовым огнем ревности, вместе с Зарею и Алеко, и упивался дикою любовью Земфиры; что он скорбел и радовался за свои идеалы, что журчание его стихов согласовалось с его рыданиями и смехом. (NB. Опять место, отличающееся удивительным сочувствием к изящному, поэтическим пониманием изящного, неотразимо увлекающею верою в жизнь и искусство!) Пусть скажут, что это пристрастие, идолопоклонство, детство, глупость, но я лучше хочу верить тому, что Пушкин мистифирует «Библиотеку для чтения», чем тому, что его талант погас. Я верю, думаю, и мне от радно верить и думать, что Пушкин подарит нас новыми созданиями, которые будут выше прежних («Молва» 1834 г. № 50, стр. 397, 398, 399, 400).

Что вы скажете об этом отзыве добросовестной, сочувствующей, верующей критики, отзыве, в котором удивительное понимание идет об руку с удивительным же непониманием, — вы, г. критик, взявший на себя задачу оправдать критику в ее отношениях к Пушкину, вы, равнодушно перепечатавающие злые пасквили па «мирного поэта», вероятно, потому, что критике больше нечего делать в отношении к Пушкину, как перепечатывать на него пасквили?

Приведенное нами место из старой критики времен Сатурна, критики, низвергнутой по всему праву ту критику времен Урана, которую принялся так неудачно защищать г. новый критик «Современника», — само по себе очень назидательно, но будет еще назидательнее, когда мы объясним его современными ему свидетельствами.

Когда в 1834 году вышла вторая часть «Новоселья», в которой напечатана в первый раз повесть «Анджело», в 22 № «Молвы» появилась следующая статья. По пламенному сочувствию к Пушкину, по поэтическому пониманию поэта, статья принадлежит, очевидно, тому же перу, которое писало «Литературные мечтания». Замечателен в высокой степени отзыв об «Анджело» своею неустрашимою верно-стию.

«Анджело», повесть в стихах Ал. Пушкина в трех частях. *Писа сия заслуживает полное внимание критики, хотя едва ли воспользуется таковым же от публики. (NB. Каково предведение? Что, если б оно смогло не сробеть?) Заметим предварительно, что эта горсть людей, у нас читающих и, следовательно, читающих Пушкина, так еще малочисленна, так мало внимательна к авторам, ею читаемым, что у ней не может образоваться различных мнений и, следовательно, суждений о писателе. Нет, она сплеча, одним махом, по двум-трем пиесам составляет свое мнение об сочинителе; и после что хотите делайте, вы не собьете ее с этого понятия или, что еще хуже, если будете усиливаться, сами проиграете непременно. (NB. Да, — заметим мы, — даже сами отступитесь, если вы еще молоды, если ваши основания шатки, если вы малограмотны, что и сделалось.) Бесспорно, что несравненный, единственный современный талант Пушкина сделан известен у нас первыми произведениями его юности, хотя, быть может, и не всегда отчетливыми, но всегда горячими, пылкими, истинно*

поэтическими. Первое впечатление решило славу его, положило основной камень мнению публики о Пушкине. Каждый стих его, каждое слово ловили, записывали, выучивали и *всюду думали видеть тень или блеск того же характера пылкой, стремительной юности, по произведениям которой составили о нем понятие. Но поэт, как Пушкин, не мог оставаться в зависимости даже и от общественного мнения: он шел своим путем, и чем сильнее, самобытнее, выше развивался талант его, тем далее последующие его произведения расходились с тем первым впечатлением, которое так шумно, так торжественно сделал он, еще неизвестный, из садов Лицея!* Он был недоволен публикою, недоволен ее образом воззрения на себя, и негодование поэта изливалось не раз в стихах могущественных:

Так толковала чернь пустая,
Поэту славному внимая!

Но публика стояла крепко на своем, и поэт, не внимая ей, идучи своим путем, более и более отделялся от ее участия. *Вот, по нашему мнению, единственная разгадка, почему последние, лучшие поэмы его, как, например, «Борис», были принимаемы с меньшим жаром и участием. Пушкин не внимал и продолжал путь свой.* Не место здесь пускаться в рассуждение, кто прав: публика ли, с своим упрямством и желанием слышать от поэта тот же строй песней, которым он пробудил ее внимание, или непокорность поэта сему требованию. Ограничимся сознанием, что *общее участие к произведениям Пушкина уже значительно изменилось, а вместе с тем и характер его сочинений.* Это предварительное изложение, по нашему разумению, было необходимо для того, чтобы дать в настоящем случае верный отчет о повести его «Анжело» и показать, что мы, уважая поэта, изучали не только его произведения, но и ход его влияния на публику и ее к нему отношение. Дополним это замечанием, что есть еще люди, не зависимые от первых впечатлений, которые и теперь понимают и ценят Пушкина: но много ли их? Обратимся к «Анжело». Боккаччио, отец «Декамерона», был первым, начавшим писать в роде, к которому принадлежит «Анжело». *Простой, самый естественный, бесстрастный, не размышляющий рассказ происшествий, как они были, есть отличительная черта* сего рода произведений, являвшихся в свое время не случайно, не по прихоти литературной, а вследствие особых обстоятельств, развивавших в разные периоды времени различные роды стихотворений: сагу, романс, балладу и т. д. Возможно ли подобное воссоздание какого-либо рода стихотворений во всякое время по воле самого сильного дарования? Имеет ли право талант, не обращая внимания на современное, его окружающее, постоянно усиливаться воскресить прошедшее, идти назад, не стремиться вперед? Может ли иметь успех подобное направление? Вправе ли писатель винить публику, если она не разделяет его стремления к минувшему, а в силу вечно неизменяемого влечения к будущему остается равнодушною, непризнательною к его тягостному борению с веком, *усилию, часто обнаруживающему тем разительнее всю великость его дарования?* Вот вопросы, которые в настоящее время было бы кстати предложить на разрешение и отвечать на которые мы не можем в статье библиографической, хотя в них-то существенно должна заключаться истинная оценка пиесы Пушкина, *полной искусства, доведенного до естественности, ума, скрытого в простоте разительной, и, сверх того, неотъемлемо отличающейся истинным признаком зрелости поэта — тем спокойствием, которое мы постигаем в творениях первоклассных писателей!* Судить о стихосложении Пушкина было бы излишне: мы ограничиваемся, наведя читателей на мысль, стоящую, по мнению нашему, подробного исследования («Молва» 1834 г., № 22, стр. 338–341).

Нельзя не удивляться здесь и верности взгляда во взгляде на значение Пушкина и на отношение к нему публики и критики, и превосходному определению существенных красот манеры, в которой писан «Анжело», даже указанию связи этой манеры с манерой Боккаччио, хотя недостаток грамотности очевиден и здесь: не указан ближайший источник «Анжело» — Шекспирова драма. Самые вопросы, оставляющие критика, в известной степени законны: самое стихосложение Пушкина поразило его своею особенностью — тут нет еще и помину об архимандрите *Аполлосе* и г. *Остолопове*. Перед чем же отступила эта критика, по-видимому, столь самостоятельная, столь мужественная, столь созревшая до понимания Пушкина?

Перед статью «Жителя Сивцева Вражка», напечатанною в 24 № той же «Молвы» на стр. 370–375!!!

Рецензент наш, — говорит этот новый критик, — в суждении об «Анжело» Пушкина, помещенном в сей части «Новоселья», оказал слишком явное пристрастие. Я совершенно согласен с ним в том,

что говорит он вообще о ходе влияния Пушкина на публику, о постоянно усиливающемся разноречии его с нею и о значительном изменении общего участия к его произведениям. Но, признаюсь, вопреки ему, не нашел в «Анджело» ни «искусства, доведенного до естественности», ни «ума, скрытого в простоте разительной», тем более не заметил «истинного признака зрелости поэта — того спокойствия, которое мы постигаем в творениях первоклассных писателей». По моему искреннему убеждению, «Анджело» есть самое плохое произведение Пушкина; если б не было под ним его имени, я бы не поверил, чтоб это стихотворение принадлежало к последнему двадцатипятилетию нашей словесности, и счел бы его стариною, вытасканою из отысканного вновь портфеля какого-нибудь из второстепенных образцовых писателей прошлого века. Так мало походит оно на пушкинское даже самую версификацию, избилующею до невероятности усеченными прилагательными и распространенными предложениями! Не угодно ли вам перечесть вновь следующие стихи:

Ты думаешь? так вот тебе предположенье:
Что если б отдали тебе на разрешенье,
Оставить брата влечь ко плахе на убой
Иль искупить его, пожертвовав собой
И плоть предав греху (с. 61).

Или, пожалуй, хоть эти:

Средство есть одно к его спасенью.
(Все это клонится к тому предположенью
И только есть вопрос и больше ничего).
Положим: тот, кто б мог один спасти его,
(Наперник судии иль сам по сану властный
Законы толковать, смягчить их смысл ужасный)
К тебе желаньем был преступным воспален
И требовал, чтоб ты казнь брата искупила
Своим падением: не то — решит закон (с. 63).

Или следующий афоризм:

Закон не должен быть пужало из тряпицы,
На коем наконец уже садятся птицы.

Спрашиваю, чем эти и многие подобные стихи лучше стихов не только Хераскова и Кострова, даже некоторых Сумарокова? Я уже не упоминаю о том, что в отношении к содержанию «Анджело» есть не что иное, как переделка Шекспировой «Measure for Measure»⁹ из прекрасной драмы в вялую, пустую сказку. Не думайте, чтобы я был предубежден против творца этой переделки; напротив, уверяю вас, что никто больше меня не чувствует живейшей признательности к Пушкину за неоцененные минуты, кои он доставлял мне своими первыми произведениями, благоухавшими свежей сладостью мощного, роскошного таланта. И потому, читая «Анджело», я повторял с чувством глубочайшей горести его же прекрасный стих, в то время глубоко запавший мне в душу: увы!

Таков ли был он, расцветая?..

В полной надежде, что вы не откажетесь вверить крыльям вашей «Молвы» сию апелляцию на «Молву», с отличным уважением имею честь быть

Ваш покорнейший слуга
Июня 12. 1834 г.

Житель Сивцева Вражка.

И пред такой-то ничтожной статейкою отступила критика. И потом явились «Литературные мечтания».

Не вправе ль же была сама эта критика в другую свою эпоху, в эпоху, которую, в противоположность временам Сатурна, мы назовем эпохою титанической, — в эпоху пафоса, в статье о Кирше Данилове и Сахарове в «Отечественных»

⁹ «Меры за меру» (англ.).

записках» говорить: «Критика того времени безусловно восторгалась произведениями Пушкина до той поры, как гений его возмужал; не подозревая того, что он им стал уже слишком не по плечу, они, по свойственному человеческой слабости самолюбию, заключили, что он пал».

А неизвестный критик «Современника» — взялся оправдывать критику современную Пушкину!¹⁰

Но обратимся к другим статьям о Пушкине.

Статья о сочинениях Пушкина в июльской книжке «Отечественных записок» собственно о сочинениях Пушкина не толкует, да и толковать не хочет. Предлагаемые журналом статьи имеют предметом *рассматривать со всех сторон издание...* Как это, кажется, ухитриться написать несколько статей об издании — и кому будут предлагаться эти статьи? Подробный эстетический разбор самих произведений поэта не входит в план этих статей, потому что, как говорит критик — «в нашем же журнале был напечатан полный разбор сочинений Пушкина. Взгляд наш с тех пор не изменился, потому что творения Пушкина, хотя уже почти четверть века прошло над его могилою, до сих пор не утратили своей обаятельной силы и свежести и еще далеко то время, когда критика в состоянии будет сказать что-либо новое или изменить свои суждения о его произведениях, из которых многим суждена вечная юность, как всему истинному в науке». Прекрасно сказано, заметим мы — но ссылка на прежнюю критику как на исчерпавшую все, что можно сказать как о Пушкине, так и обо многом другом, если не обо всем, — подтверждает как нельзя более нашу мысль об одряхлении и истощении теперешней. Как это не найти в Пушкине чего-либо нового даже с эстетической стороны, когда целые библиотеки сочинений о знаменитых писателях существуют в других европейских литературах? И особенно в настоящее время были бы полезны эстетические статьи о Пушкине. Около четверти века прошло после его смерти — как справедливо, хотя неточно выразился критик, — и должно признаться, к сожалению, что поколение, воспитавшееся в эту четверть века, воспиталось — увы! не на Пушкине, как воспитывались на нем мы, ныне пишущие и поучающие. Скажем даже более: различные эфемерные произведения и тяжеловесные статьи об этих эфемерных произведениях, статьи, в которых широко и глубокомысленно обсуживались по поводу литературы различные политико-экономические вопросы, — разорвали связь между Пушкиным и поколением, воспитавшимся в эту четверть века: вкус у этого поколения (мы говорим о той части его, которая подверглась журнальным влияниям) испорчен или, лучше сказать, заражен: юношам и девам, которые с пафосом читали только больничные или исправительные стихотворения г. Некрасова и *греческие* песнопения г. Щербины, нужно долго и долго втолковывать на Пушкине, в чем заключается значение искусства, в чем состоит истинная красота; даже читавшим даровитых из новых поэтов, и не только новых, — красота пушкинской поэзии будет новостью: мы сами в тех обществах, где наиболее читают вообще и, кроме того, читают даже по-русски мужеский пол и женский, встречали и встречаем госпож и господ, которым напомним только то или другое стихотворение Фета, Огарева, Майкова — они наизусть его знают, — но которые как-то смутно, неопределенно отзываются о Пушкине. Да об одной простоте, правде и искренности пушкинской поэзии сравнительно со всею современною — можно написать несколько статей, более, конечно, нужных для публики, чем ныне предлагаемая статья и будущие статьи об издании Пушкина, статьи, которым место не в отделе

¹⁰ Мы уверены даже, что он готов быть ратоборцем за приведенную статью «жителя Сивцева вражка», вместе с ним находить «Анджело» самую плохую вещь, вместе с ним не понимать, почему великий художник так утомился своею легкою версификацией, почему обратился он к манере писателей прошлого века (*примеч. Григорьева*).

критики. А что можно сказать о Пушкине как о повествователе, особенно сравнительно с продуктами натуральной школы и с водяною беллетристикою последних двух или трех лет! Явно, что ссылка на прежнюю критику есть в настоящем случае смиренное, хотя неискреннее сознание критики в бессилии и истощении. Замечательно, что никто из *настоящих* литераторов, никто из известных критиков, кроме г. Дружинина, не сказал ни слова о Пушкине, предоставивши это дело борцам темным или только что выступившим на сцену литературы, хотя от некоторых, как, например, от г. Галахова, принадлежащего к поколению, воспитавшемуся на Пушкине, и знакомого с фактами не ученически, — от г. Кудрявцева, которого некоторые статьи показывали много эстетического такта в оценке поэтических произведений, вправе были ожидать многие статей о Пушкине скорее, чем от таинственного критика «Современника», — но г. Галахов почил на лаврах после своей статьи о Карамзине, г. Кудрявцев печатает в «Записках» очень хорошие статьи о «Данте», другие из грамотных критиков давно уже ничего не печатают. На сцене только темные борцы вроде господина, пописывающего критики в «Современнике», и многих господ, *им же имя легион*, наводняющих безнаказанно безвкусием и незнанием дела столбцы санкт-петербургских газет. Печальное, поистине печальное состояние критики! Еще печальнее представляется оно, когда среди этих темных борцов появляется боец поседелый, вроде г. П., с мнениями дикими, устарелыми, и говорит, как *власть имеющий*, о том, что повести Пушкина — дрянь, а г. Вонлярлярский чуть-чуть не гений!

Боже мой! и неужели же все это от того, что нечего писать критике. Да ведь знает же и прекрасно знает критика, о чем писать, какие интересные струны затронуть, говоря о писателе иностранном. Посмотрите, например, как основательно говорит упомянутый нами г. Кудрявцев в статьях о «Данте»: «Каждая вновь наступающая эпоха пробует свои силы над Дантом; каждый вновь выработанный прием в общей истории литературы прилагается и к Данту. Только что, кажется, установилось новое воззрение на него, как старое опять усиливается взять перевес над новым. Опыт следует за опытом, один прием сменяется другим, но никто, конечно, не скажет, что современные работы, предпринятые над Дантом, как бы, впрочем, они ни были удачны, полагали предел дальнейшему исследованию о нем. Пока не умрут исторические и литературные интересы, деятельная мысль не перестанет трудиться над его творениями и всегда будет надеяться найти в них много нового для себя». Какая ужасающая разногласица между этими здравыми словами, прилагающимися, конечно, к изучению всякого великого народного писателя, — и между словами критиков «Отечественных» записок» и «Современника». Между тем г. Кудрявцев же, например, так хорошо сознающий эти истины и так здраво их выражающий, — удивительно ясно обозначающий приемы исторической критики, — предпочитает работе над Пушкиным — извлечение из двух книг о Данте Фориэля и Вегеля, работу, конечно, более легкую и, пожалуй, доставляющую в своем кружке дешевую славу, но за которую взяться можно и без дарования г. Кудрявцева, статью, которую под силу было бы смастерить какому-нибудь г. Тихонравову или другому темному адепту! В настоящую минуту это особенно досадно, и тем более досадно, что в предисловии к своему извлечению г. Кудрявцев излагает превосходно приемы исторической критики. «В наше время, — говорит он, — лучше, нежели когда-либо, понято, что жизнь писателя и его авторская деятельность — два явления, соединенные между собою теснейшим образом, или что в деятельности писателя, в его произведениях слагаются его же жизненные результаты. Если уж слог сам по себе обличает человека, то чего же не скажет нам о нем самое содержание его произведений? Надобно только искусно собрать лучи света, проливаемого творениями писателя на его жизнь, и уметь направить их на настоящие пункты. Нельзя сомневаться

в успехе этого метода после блестящих опытов приложения его к Гете и Шиллеру и, в недавнее время, к Шекспиру известным историком немецкой литературы. Последний опыт особенно говорит в пользу метода, потому что только с помощью его автору удалось, наконец, заглянуть во внутренний мир поэта и открыть в этом мире последовательность явлений, о которых его биографы не имеют никакого подозрения. В строках и между строками творений Шекспира Гервинус нашел секрет прочесть внутреннюю его биографию. *Почему не приложить того же способа и к другим писателям, о деятельности которых мы гораздо больше знаем из их произведений, нежели из истории их жизни?* В свою очередь, жизнь писателя дает ключ к объяснению его творений. Это старая истина, которой сила известна была уже в древней литературе. В наше время значение ее сознается все больше и больше. Кто не читал жизни автора, для того потерял смысл многих его произведений. *Чем оригинальнее писатель, тем глубже в его жизни лежат корни самых его созданий: не тот только пустой фразер и ритор, кто любит пышные речи, но тот в особенности, у кого они легко ложатся под перо, без участия мысли и сердца. Спросите у комментаторов, знающих лучше нас домашние тайны писателей, и они скажут вам, с иронической улыбкою или без нее — все равно, что мотивы душевнейших лирических произведений взяты обыкновенно из жизни самого поэта. У романиста, у драматического писателя, может быть, те же самые ощущения превратились в идеальные образы, полные жизни и движения. Еще больше надобно спрашиваться ответа о жизни писателя, если в речах его слышится одно твердое убеждение, которое покрывает собою все прочие мысли. Убеждение не родится из теории, оно приходит вместе с успехами жизни и, нередко, наперекор ее направлению. Если убеждение истинно, если это не призрак, оно наполнит всего человека и не может не сказаться в его произведениях. Оторвите убеждение от жизненной его основы — и оно если не потеряет вовсе своего разумного смысла, легко может показаться странностью и поведет только к произвольным толкованиям».*

Читая подобные строки, невольно приходит в голову мысль, как легко усвоим мы все то, что долгим умственным процессом выработано в остальной Европе, становимся тотчас же во всяком деле хозяевами, относимся даже ко всякому делу критически (и, прибавим не без чувства народной гордости, имеем право относиться критически), — и между тем, на деле, на практике прилагаем наше ясное и тонкое понимание к каким-нибудь трудам ех otio¹¹, отговариваясь тем, что нечего делать, не для чего делать и т. д. «Материалы для биографии Пушкина» (скромное и справедливое заглавие труда г. Анненкова) подавали именно повод к испытанию над Пушкиным такого рода приема, которого свойства и значение так хорошо объяснены г. Кудрявцевым — а у нас нашелся особенный прием: перепечатывать старые пасквили на Пушкина, — да еще другой — ссылаться на прежнюю критическую деятельность!

Честь и слава г. Дружинину! Заслуга двух статей его о Пушкине в «Библиотеке для чтения» заключается в том, что он как мыслящий и серьезный литератор обошелся с трудом г. Анненкова — из материалов, предложенных издателем для желающих изображать колоссальный образ нашего народного поэта, г. Дружинин вылепил изваяние Пушкина — европейского поэта и Пушкина — человека труда. Распространяться о статьях его, проникнутых единою, стройною и живою мыслию, обдуманых честно, выполненных с умом и изяществом, — мы не будем, желая сообщить статье нашей единство полемического колорита. Г. Дружинин — блестящее исключение: общие же замечания наши касались не исключений, а обыденных явлений в критике — и, кажется, с достаточною ясностью доказали ее несостоятельность. Признаемся откровенно, что не без некоторого злобного удовольствия

¹¹ От отдыха (лат.).

следили мы за ее промахами, но, вероятно, противники наши поймут, как они уже поняли, впрочем, что наша полемическая жесткость имеет источником своим не личное раздражение, а любовь и уважение к искусству. Что же касается до нас лично, то, ведя борьбу не с теперешнею критикою, а с тою, на которую теперешняя ссылается, с критикою, как и наша, не чуждою резкостей и увлечений идеями, мы не раздражались и не будем раздражаться глумлением над увлечениями. Отсутствие способности к пониманию увлечений есть одна из болезней нравственной дряхлости.

Впервые: М. 1855. № 13–14. С. 107–148. Цензурное разрешение — 27.09.1855. Цензор И. И. Бесомыкин.

Переизд.: Григорьев А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Под ред. В. Спиридонова, со ст. проф. С. А. Венгерова и прив.-доц. В. А. Григорьева Пг., 1918. Т. 1; Тимашова (со значительными сокращениями).

Работа над статьей началась не позже 13 августа 1855 г. (см. письмо к Погодину от этого числа, где Григорьев сообщает, что работает над материалом для журнала, связанным со статьей А. В. Дружинина о Пушкине — Григорьев. Письма. С. 93). В сентябре работа над статьей шла параллельно со статьей «Обозрение наличных литературных деятелей» (см. упоминание о начатых двух статьях: Там же).

Статья представляет собою вторую из опубликованных частей критического цикла Григорьева 1855 г. и содержит полемику с сочинениями Панаева, выступившего против статьи об Островском (см. наст. изд.). Статья написана во время значительных перемен в социо-культурной и литературной обстановке в России и отражает эволюцию григорьевских убеждений и эстетики. Эта эволюция происходит в связи с изменением отношений критика как к прошлому литературы, так и к своим современникам. Восприятие Григорьевым литературы 1820–1840-х гг. трансформируется, поскольку эта литература все больше и больше начинает оцениваться как прошлое, а не как актуальное настоящее. Происходит это как в связи с историческими изменениями, резко отделившими новую эпоху от прошлого (смерть Николая I, неудачно идущая Крымская война, воцарение нового императора), так и в связи с появлением в условиях смягчения цензурных условий новых публикаций и работ, в которых сочинения наиболее значимых для Григорьева авторов помещались в исторический контекст, в особенности изданий таких писателей, как Пушкин и Гоголь (о похвальной рецензии на них Погодина см. наст. изд., с. 541–542). В 1855 г. начали выходить «Сочинения» Пушкина, где впервые было напечатано значительное количество ранее не изданных текстов Пушкина. Их издатель П. В. Анненков поместил в 1-м томе «Сочинений» свои «Материалы к биографии А. С. Пушкина», ставшие наиболее подробным и детальным исследованием жизни Пушкина на тот момент. Анненков стремился создать максимально объективную картину жизни поэта, основанную на всех доступных источниках, включая воспоминания современников Пушкина и все доступные опубликованные и рукописные материалы, связанные с жизнью поэта. Все без исключения критики, писавшие об издании Анненкова, высоко оценили проделанную им работу. Григорьев, с одной стороны, присоединился к общему мнению, поскольку позиция Анненкова, с его точки зрения, противостояла позиции Панаева, Чернышевского и других авторов, уверенных в невозможности пересмотра суждений Белинского. Здесь Григорьев использует идеи Анненкова для выражения собственных представлений об историческом процессе, согласно которым прошлое необходимо изучать и интерпретировать заново для лучшего понимания настоящего. Во имя этих соображений Григорьев резко осуждает теорию прогресса в литературе, выразившуюся у Белинского, как «дикую» и «неприложимую к искусству» (с. 501). Отрицание прогрессистских теорий у Григорьева, вероятно, восходит к Шевыреву, в рецензии на «Петербургский

сборник» писавшему: «Превратить любовь к ближнему — добродетель вечную — в филантропическую тенденцию значит на самую добродетель наложить моду. Вот до каких странностей доводит начало движения и развития, вводимое в то, что есть святейшего, неизменного и вечного в самом человеке, что нераздельно соединено с его существом и должно принадлежать всем векам и народам» (*Шевырев*. С. 229). Вместе с тем Григорьев осуждает установку на изучение фактов как самоценную задачу и требует концептуального осмысления отдельных сведений. Показательно в этой связи, что он даже не замечает значения богатой фактами рецензии В. П. Гаевского на «Материалы...» Анненкова и резко осуждает ее (с. 510).

В отношении к Гоголю Григорьев и продолжает, и пересматривает более ранние взгляды «молодой редакции». Рассуждения об «обличительном» начале у Гоголя не могут не напоминать о рецензии Островского на «Ошибку» Е. Тур, где выражение «обличение» использовалось в схожем значении, предполагающем осуждение претензий личности (см. наст. изд., с. 38). Однако, как и в связи с Пушкиным, Григорьев должен был учитывать новые издания Гоголя. В 1855 г. вышла незаконченная черновая редакция второго тома «Мертвых душ» в составе составленной Шевыревым книги «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти» (М., 1855). До этого опубликовать ее было невозможно в связи с цензурными ограничениями, хотя Погодин, Шевырев и славянофилы (а вероятно, и Григорьев) отлично знали о существовании и содержании гоголевских черновиков (см. подробнее: *Мани Ю. В.* В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель — критика — читатель. М., 1984. С. 351–357). В отличие от анненковского издания, Григорьев без труда смог использовать содержащиеся в подготовленной Шевыревым книге материалы для продолжения полемики со своими оппонентами о Гоголе, который вновь оценивается Григорьевым высоко, однако теперь ставится ниже Пушкина. Григорьев в статье избегает говорить об изменениях в собственном понимании Гоголя. Позиция Григорьева здесь не очень характерна для критики его времени: например, близкий «молодой редакции» А. Ф. Писемский оценил вторую часть «Мертвых душ» далеко не апологетически (см. его статью «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти» — *ОЗ*. 1855. № 10). Вероятно, именно знакомство со вторым томом «Мертвых душ» до его публикации подготовило Григорьева к появлению издания Гоголя. Намного более значительной проблемой для критика оказалась биография Гоголя, составленная известным деятелем украинской культуры П. А. Кулишом (впервые: С. 1854. № 2–4). Написанная в апологетическом тоне и претендующая на строгую объективность в передаче отдельных фактов, эта работа многим должна была импонировать Григорьеву. Критик явно мог бы согласиться с очень высокими оценками Кулишом отношений Пушкина и Гоголя: «Это были наши Гете и Шиллер, наши Вальтер Скотт и Байрон. Оба поэта сильно подействовали один на другого; но существование Пушкина было несравненно важнее для его младшего брата» (*Николай М* <Кулиш П. А.>* Опыт биографии Н. В. Гоголя со включением до сорока его писем. СПб., 1854. С. 47). Наверняка Григорьева порадовала публикация Кулишом не лестных отзывов Гоголя о Ф. В. Булгарине и Н. И. Грече. Наконец, Кулиш и Григорьев практически совпадают в отношении к поздним сочинениям Гоголя. По утверждению Кулиша, изучение переписки и прочих свидетельств о последних годах жизни писателя изменило его отношение и к «Выбранным местам из переписки с друзьями»: «...мои сомнения и недовольство к искренности всех его поступков в остальное десятилетие его жизни начали уступать место теплomu сочувствию к его убеждениям и уважению к силе и ясности его души...» (Там же. С. 9; именно отношение к «Выбранным местам...» особенно отметил в биографии Кулиша Алмазов — см.: М. 1854. № 13. Отд. IV. С. 36). При этом в конфликте автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» и многочисленных возмущенных читателей этой книги Кулиш, как и Григорьев, винил преимущественно читателей: «...дорого обошлась Гоголю его “Переписка с друзьями”, эта книга, в которой он, из любви к ближнему, решился показать себя им без театральной одежды лирического и комического писателя! И кто, читая замозильные жалобы Гоголя, не “содрогнется”, как он говорил, “душою”? Многие ли из нас, подобно издателю “Переписки с друзьями”, остались при ее появлении в почтительном молчании касательно внутренней сути ее смысла?» (*Николай М* <Кулиш П. А.>* Опыт биографии Н. В. Гоголя... С. 156). Неудивительно, что Григорьев увлеченно защищает книгу Кулиша и репутацию Гоголя от критики, в особенности от критики Булгарина. При этом Григорьев корректирует собственную более раннюю позицию относительно Гоголя (см. в наст. изд. коммент. к статье «Взгляд на “Библиотеку для чтения” в прошлом году», с. 768–769), а также позицию Алмазова, который упрекал Кулиша в том, что он «изображает Гоголя на основании его собственных суждений о самом себе», тогда как «Гоголь был скрытен, не откровенен» (М. 1854. № 13. Отд. IV. С. 34). Алмазов специально подчеркивал, что идеализация Гоголя, хотя и простительная, скоро должна уступить место сознанию, что «он был высоконравственный писатель, и следовательно не мог быть дурным человеком, а с другой стороны <...> он был все-таки человек и не лишен человеческих слабостей» (Там же. С. 35) и, не соглашаясь с трактовкой Кулишом гоголевского творчества, благодарил его за публикацию писем, раскрывавших даже «невинные странности

и мелочности» Гоголя (наст. изд., с. 460). Однако Григорьев едва ли сочувствовал идеям Кулиша, считавшего Гоголя по преимуществу «малороссийским» писателем: «...ни его сближение с такими поэтами, как Пушкин и Жуковский, ни изучение творений Гомера, Шекспира, Шиллера и Вальтер-Скотта, опечатавшееся на его сочинениях, ни положение его в школе, посреди немногих друзей и так называемых им “существователей”, ни внушения отца, ни любовь матери <...> — ничто это, по крайнему моему разумению, не должно было назnamenовать в его душе тот дивный путь, которым пошел его природный гений. Гораздо ранее разумного сознания своих ощущений подвергнулся он влиянию, которое действует на поэтическую душу сильнее, нежели что-либо впоследствии, и дает ей неизменное направление. То была народная поэзия племени, которого нравственные свойства в такой полноте отразила в себе Гоголева натура» (Николай М* <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя... С. 84; ср. тексты любимых Гоголем малороссийских песен, приведенные Кулишом: Там же. С. 168–172, 175–176). В противоположность такой «малороссийской» трактовке творчества Гоголя, Григорьев называет писателя «наш общий Гоголь, родной нам, великорусам, столько же, сколько и малороссиянам» (наст. изд., с. 499). Очевидно, Григорьев тем самым смог примирить свой интерес к отражению русской народности в литературе и любовью к Гоголю. Описывая Гоголя как вполне русского писателя, Григорьев мог вспомнить о сочинениях С. П. Шевырева. По Кулишу, типичный для Гоголя «переход от горести к смеху и от смеха к горю» объясняется влиянием малороссийской песни (Николай М* <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя... С. 86). Напротив, Шевырев возводил именно эти особенности к традициям древнерусской литературы «южного периода» (см. наст. изд., с. 663).

На идеи Шевырева Григорьев еще более открыто опирается и в полемике с Белинским и его последователями, которую он продолжает в цикле. Параллели с рецензией Шевырева на «Петербургский сборник» (1846), где эстетика Белинского оценивается резко отрицательно, встречаются уже в «Русской литературе в 1851 году» и значимы и для настоящей статьи Григорьева. Следом за Шевыревым, Григорьев упрекает Белинского в неуважении к «преданию», в недостаточной образованности и приверженности множеству ложных доктрин. В особенности резко осуждает Григорьев Белинского за прогрессивистский подход к литературе. Очень ярко это выражается в споре о ценности творчества И. И. Козлова. Сохранился автограф статьи Григорьева о Козлове, развивающей положения настоящей статьи (ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 390; опубл.: Спиридонов В. С. Козлов и критика пятидесятых годов // *Sertum bibliologicum*: В честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Маленина. Пб., 1922. С. 242–248), где он прямо отсылает к статье «покойного Белинского» (Там же. С. 242) и утверждает, что среди «поэтов пушкинской эпохи» многие, включая Козлова, заслуживают уважения, причем не как беллетристы, а как самостоятельные, хотя и второстепенные дарования: «...хорошее и дурное тесно связано в них с личностями творцов, а в творцах выразились те или другие стороны эпохи. Гении — тот фокус, в котором все лучи эпохи собираются, — но каждый из этих лучей имеет и свое, самостоятельное отражение...» (Там же. С. 243). Помимо «исторической» оценки творчества Козлова как поэта своей эпохи, Григорьев также требовал «эстетического» и «психологического» осмысления его сочинения (см.: Там же. С. 244), тем самым вновь возвращаясь к вопросу о соотношении «исторической» и «эстетической» критики, уже затронутому «москвитянинскими» критиками в начале 1850-х гг. (см. в наст. изд. статьи Григорьева «Русская литература в 1851 году» и Эдельсона «Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики»). Однако, помимо многочисленных упреков в адрес Белинского, Григорьев дает многим сторонам его критики высокие оценки: «Хорошее заключалось в твердости эстетических положений, в мысли о том, что искусство должно мерить условиями искусства, в живом сочувствии к жизни и в вере в то, что литература — отражение жизни» (наст. изд., с. 494). Григорьев имеет в виду по преимуществу ранние статьи Белинского, выбирая из них идеи, совпадающие с его собственной эстетической программой, в первую очередь, — что литература, с одной стороны, самоценна и самодостаточна, а с другой стороны, выражает фундаментальные закономерности реальной «жизни», которая не может быть постигнута без понимания литературы. Это представление о высшем статусе литературы приводит к невысокой оценке роли критики, что особенно заметно на фоне статьи Эдельсона об эстетической критике (см. наст. изд.): «Вводит новое в жизнь не критика, которой дело заключается только в разъяснении нового — а произведения искусства» (наст. изд., с. 495). Противоречия между высокими и низкими оценками Белинского решаются за счет историзации наследия критика: его сочинения оказываются, в глазах Григорьева, внутренне неоднородны, причем раннего Белинского он принимает, а позднего отрицает. К тому же, в сознании критика возникают зазоры между эпохой Белинского и современностью, а потому идеи Белинского парадоксальным образом противопоставляются позиции его современных последователей — И. И. Панаева и в особенности Н. Г. Чернышевского.

Статья Григорьева создавалась, когда сочинения Чернышевского уже привлекли к себе внимание читателей. В более ранних статьях «москвитянинского критика» его отзыв о комедии

А. Н. Островского «Бедность не порок» мог восприниматься как крайнее выражение позиции «петербургских» изданий (см. наст. изд., с. 473), однако после появления «Эстетических отношений искусства к действительности» (1855), развернутой рецензии «Сочинения Пушкина» и других статей Григорьев уже не мог не заметить качественной разницы между позициями Чернышевского, с одной стороны, и таких критиков, как А. В. Дружинин, — с другой. Эстетика Чернышевского, сводившая литературу к пассивному отражению жизни, по преимуществу социальных закономерностей, воспринималась Григорьевым как враждебная. Не случайно Е. Н. Эдельсон, наряду с Григорьевым, единственным критик «молодой редакции», продолжавший печататься в «Москвитянине», написал отрицательный отзыв на книгу Чернышевского (см.: РГАЛИ. Ф. 1205. Оп. 1. № 115. Л. 1–1 об.; № 118. Л. 9–10). Эдельсон связал диссертацию с принципами отжившей натуральной школы и положительно оценил полемику Чернышевского с некоторыми положениями немецкой философской эстетики, однако счел его теорию ограниченной (см. подробнее о неопубликованной рецензии Эдельсона: *Зельдович М. Г.* Страницы истории русской литературной критики. Харьков, 1984. С. 39–47; в целом о полемике в русской критике вокруг Чернышевского: Там же. С. 4–47). Григорьев прямо об «Эстетических отношениях...» упоминает лишь один раз, однако стремится опровергнуть другие сочинения Чернышевского, особенно его статьи о Пушкине. Видимо, общее отношение Григорьева к Чернышевскому близко к отношению Эдельсона: эстетика Чернышевского кажется ему продолжением и заострением принципов натуральной школы. Григорьев, как и Эдельсон, осознаёт, что Чернышевский в своем развитии этих принципов отходит от многих положений даже позднего Белинского и его продолжателей. Именно по этой причине он обращает внимание на противоречие позиций Чернышевского и Дружинина, причем последний в статье переоценивается и воспринимается как автор близкий самому Григорьеву (эта «реабилитация» Дружинина будет продолжена в следующей статье цикла Григорьева). Осознание, что в рядах «петербургских журналистов» нет глубинного единства, у Григорьева, видимо, связано и с пониманием, что единства уже нет и в «молодой редакции». Действительно, к моменту появления статьи лишь Григорьев и Эдельсон продолжают сотрудничать в близящемся к закрытию «Москвитянине». В полемике с Панаевым Григорьев, хотя и называет себя критиком «молодой редакции», фактически отрицает ее существование: «...какие существенные различия находите вы между *старой* и *новой* редакцией “Москвитянина”?.. Вероятно, ответа вы не дадите, потому что и здесь, как и в деятельности Островского, новое слово есть только старое слово» (наст. изд., с. 490). Поскольку «новое слово» Островского, по Григорьеву, есть слово «народность» (наст. изд., с. 474), легко ожидать, что близость двух «редакций» тоже связана именно с трактовкой этого понятия. Действительно, в статье обращает на себя внимание идеологическая близость Григорьева к Погодину и Шевыреву, в особенности в утверждении, что русский народ легко может усвоить себе все достижения «остальной Европы» (наст. изд., с. 512). Представление о способности русского народа повторить и превзойти все успехи Запада восходит к идеям Погодина и Шевырева относительно высшей миссии России в мировой истории. Так, в 1838 г. Погодин в обращении к наследнику престола письме заявлял: «Есть в Истории череда для народов, кои, один за другим, выходят стоять как будто на часы и служить свою службу человечеству; до сих пор одних славян свет не видал еще на этой славной череде; следовательно, они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человечества и проявить благороднейшие его силы» (*Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 9). В «Истории русской словесности, преимущественно древней» (1846) Шевырев выразил эту идею очень последовательно: «Если мы верим в постепенность развития человечества, а потому думаем, что народы в последовательном своем шествии друг за другом приносят очередные вклады в обширную сокровищницу этого развития <...>, то не обвинят нас в народной самодеежности, если мы скажем, что во всемирном состязании и нам, по всему вероятно, назначена какая-нибудь доля. Мы не были призваны к участию в отдельных развитиях стихий человеческих: не выпадет ли нам на жребий трудная задача — как совместить их все и разрешить загадку о человеке полном и цельном?» (*Шевырев*. С. 209). У Шевырева (как и у Григорьева) эти идеи связывались с высокой оценкой творчества Пушкина, который, по их мнению, воплотил в своей деятельности все эти свойства русского народа: «Чудное сочувствие Пушкин имел со всеми гениями поэзии всемирной — и так легко было ему усвоивать себе и претворять в чистое бытие русское их изящные свойства! Это в Пушкине черта национальная: как же было ему не отражать в себе характера своего народа?» (рецензия на «Сочинения Александра Пушкина», 1841 — Там же. С. 164). Позже эти идеи будут существенны для «почвеннической» программы Григорьева и Ф. М. Достоевского; в частности, они будут выражены в знаменитой пушкинской речи последнего (см.: *Песков А. М.* К истории происхождения мифа о всеотзывчивости Пушкина // Новое литературное обозрение. 2000. № 42; *Потапова Г. Е.* От «протеизма» к «всемирной отзывчивости»: (Очерк из истории одной идеи) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16).

Едва ли не центральная идея статьи Григорьева — утверждение необходимости подлинно «народной», в специфическом понимании критика, литературы и осуждение критики за неспособность показать читателям эту «народность». Именно как выражение духа русского народа трактуется Григорьевым творчество Пушкина и Гоголя; «народность», как и в предыдущей статье цикла, объясняет исключительное значение Островского для современной литературы. Более того, задача критики, по Григорьеву, — определить, «в какой степени» тот или иной поэт — «русский поэт» (наст. изд., с. 502). Ранний Белинский получает высокую оценку именно за то, что приветствовал «народный период литературы» (наст. изд., с. 494). При этом анализ «народности» и «художественности», по Григорьеву, — единый процесс, а потому неспособность того же Белинского отнести Козлова «к числу художников» (наст. изд., с. 502) связана с его же нежеланием установить степень народности Козлова. Это позволяет Григорьеву синтезировать критерии «художественности» и новые для него критерии «народности». Если в рассуждениях о народности Пушкина и Гоголя Григорьев скорее склоняется к «общечеловеческому» аспекту народности, то в своей резкой полемике с писателями «ненародными» он скорее интересуется этническими вопросами. Так, Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский подвергнуты осуждению как поляки (ср. позицию Н. И. Надеждина: *Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 473*). Здесь Григорьев повторяет упреки, встречающиеся уже в первых его статьях — ср., например, его рецензию на 2-ю часть «Воспоминаний» (СПб., 1846) Булгарина: «Язык русский, как и всюду в творениях автора, прихрамывает на западно-славянскую сторону» (Финский вестник. 1846. № 4. Отд. V. С. 55). Здесь, однако, Григорьев пишет уже не о языке, а о литературной позиции Булгарина и Сенковского в целом. Любопытно, что Григорьев допускает многочисленные абберации: далеко не во всем согласны Сенковский и Булгарин предстают в его статье практически единомышленниками (об отношении Григорьева к «Библиотеке для чтения» и Сенковскому см. в наст. изд. статью «Взгляд на “Библиотеку для чтения” в прошлом году» и коммент. к ней, с. 768–771). К тому же, Григорьев не видит, что во многом его собственная позиция близка к позиции «Библиотеки для чтения». Так, в не названной Григорьевым рецензии на издание Анненкова анонимный обозреватель «Библиотеки для чтения», как и Григорьев, обращал внимание на то, что исследование Пушкина Анненковым не завершено (см.: БдЧ. 1855. № 5. Отд. VI. С. 1–14). Так же Григорьев не обращает внимания и на то, что в именно «Библиотекой для чтения» была опубликована высоко им оцененная статья Дружинина «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (1855. № 3, 4).

В отличие от большинства статей Григорьева, «Замечания об отношении современной критики к искусству» были скорее восприняты положительно. Только Некрасов в «Заметках о журналах» отрицательно отозвался о Григорьеве, осуждавшем Чернышевского за повторение «пасквилей» на Пушкина и при этом критиковавшем Белинского, защитить которого было невозможно по цензурным причинам: «В “Москвитяине” № 13 и 14 г. А. Григорьев объявляет с укором, что “Современник” позорит память Пушкина, перепечатывая пасквили на него, на том основании, что мы, говоря об отношениях к Пушкину критики его времени, перепечатали, между прочим, пародию на Пушкина из “Телеграфа”. Этот упрек можно только объяснить следующими словами г. же Григорьева: “Признаемся, — говорит он в своей статье, — мы с злобной радостью следили за промахами современной критики”. В злобе редко человек сохраняет здравый смысл и способность видеть вещи такими, каковы они есть. Не г. Григорьеву учить нас любить и чтить память Пушкина, не г. Григорьеву, который, вступаясь за память одного покойника, не нуждающегося ни в чьей защите, в то же время покрывает осуждением другого, нуждающегося если не в защите, то в полном признании своих заслуг, — и с каким спокойствием делает это г. Григорьев, знающий твердо, что те, которые бы хотели вступить за того, на кого он нападает, не имеют в руках своих равного с г. Григорьевым оружия! Это лишило нас всякой охоты говорить подробнее о статье г. Григорьева и входить с ней в какие-либо прения, чего она заслуживает по некоторым делным и метким замечаниям, рассеянными в ней наряду с бессмыслицами и комическим самохвальством» (*Некрасов. Т. 11. Кн. 2. С. 196; впервые: С. 1855. № 11*). Однако «Санкт-Петербургские ведомости», обычно не одобрявшие критику Григорьева, поместили подробный пересказ его статьи, сопроводив его замечанием, что видят в нем «человека с искренним, теплым, хотя и ошибочным убеждением, с любовью к литературе» и потому решили «говорить с ним» (№ 249. 12 нояб.; автор, вероятно, В. Р. Зотов). Причина одобрения большинством критиков статьи Григорьева, вероятно, связана с ассоциацией литературы недавнего прошлого с общественно-политической обстановкой последних лет царствования Николая I. Критика того времени, лишенная возможности, а часто и желания говорить о насущных общественных вопросах, стала особо удобной мишенью для отрицания. Статья Григорьева воспринималась как первая ласточка в волне критики, обрушившейся на литературу прошлого. По выражению А. И. Рыжова, «с тех пор как журнальный мир наш оглашен был в октябре прошлого года громовой статьёй г. Аполлона Григорьева, явившейся в 13 и 14-м нумерах “Москвитянина”, вопрос о достоинствах и недостатках современной критики сделался одним

из самых важных вопросов журналистики. Первым отзывом на него было довольно удачное опровержение статьи г. Григорьева в «Отечественных записках». Обнаружив некоторую шаткость в воззрениях и теориях московского критика, рецензент «Записок» высказал, в свою очередь, еще более строгое суждение об отношениях журнальной критики к литературе. <...> «Критика наша измельчала», — повторил «Современник», незадолго перед тем говоривший об измельчании литературы» (Колядин О. <Рыжов А. И.> Обзорные первые книжки журналов за нынешний год // БдЧ. 1856. № 2. Журналистика. С. 56). Отзыв Дудышкина в «Отечественных записках» (см. его в наст. изд.), хотя полемичный по отношению к статье Григорьева, был, однако, выдержан в относительно мягком тоне. Панаев, вероятно, вслед за Григорьевым и Дудышкиным, публично заявил о принципиальном отказе от разделения литературы на лагеря и от полемики, которую вел по преимуществу с «Москвитянином»: «Навсегда расставаясь с журнальной полемикой, которая, подчас раздражая и оскорбляя, делает человека несправедливым и резким, я прошу прощения у моих литературных собратьев за все мои вольные и невольные прегрешения в отношении к ним. <...> Я не могу, впрочем, не пожелать <...>, чтобы журнальная критика стала, наконец, в прямые и добросовестные отношения ко всем литераторам без исключения, не разбирая, к какому приходу принадлежат они — к нашему или чужому...» (С. 1855. № 12. Заметки Нового Поэта. С. 244). В том же номере были напечатаны «Заметки о журналах» Н. А. Некрасова, автор которых поддержал критика «Отечественных записок», хотя и не упоминая о статье Григорьева. Наконец, Рыжов в указанной выше статье отозвался о статье Григорьева как о неоднозначной. В своем отзыве он почти сошелся с критиком «Отечественных записок»: «Мы с любовью следили за статьями критика “Москвитянина”. Во-первых, в них отражается (явление весьма редкое в настоящее время!) энергически-высказывающаяся личность; во-вторых, г. Григорьев не затрудняется в приговорах своих, создает и разрушает авторитеты по чистосердечному убеждению. Все это доказывает деятельность мысли в человеке. Что же так безотрадно поражает в статьях г. Григорьева? Отсутствие единства, систематической последовательности в убеждениях, ничем не примиряемые противоречия. Исключительный жрец художественности <...> — г. Григорьев очень метко называет “птичьим щебетаньем” стихотворения, лишенные ясной и определенной мысли. Мало того — немногие в настоящую минуту служат с таким самоотвержением народности, то есть отражению народного мышления в искусстве, как г. Григорьев. Выступая против отрицательного направления в современных произведениях словесности, он, с своей стороны, отрицает уже не отдельные явления жизни, а целую жизнь, и возлагает чрезвычайно тяжкие условия на современное искусство — посшковский взгляд на предметы, лиризм стародавних наших песен» (БдЧ. 1856. № 2. Журналистика. С. 68).

С. 488. ...с некоторою резкостью ~ многим из наших противников... — Имеется в виду А. В. Дружинин, высоко оценивший некоторые выступления критиков «Москвитянина»: «Приятно сознавать, что в преданности, которую редакция “Москвитянина” питает к делу русской словесности, нет и тени лицемерия: с откровенной горячностью (а это едва ли не лучшая из всех похвал журналу) она трудится, спорится, исправляет собственные ошибки (Дружинин. Т. 6. С. 662; впервые: БдЧ. 1852. № 5). Его фельетоны Григорьев оценивал как «голос с самостоятельным мнением, с которым всегда было приятно поспорить — и весьма часто нельзя было не согласиться» (наст. изд., с. 408).

С. 488. ...невинное литературное безделье... — Имеется в виду творчество большинства сотрудников «Библиотеки для чтения». По выражению Григорьева, «двадцать лет журнал все шутил да шутил» (там же).

С. 488. ...то, что подходит под поговорку ~ должно быть обходимо красноречивым молчанием... — Имеется в виду литературная беллетристика, по отношению к которой Григорьев употреблял цитированную поговорку (ср. наст. изд., с. 185). Тяготение современной словесности к беллетристике критик воспринимал как результат влияния Белинского, последователями которого считал редакторов «Современника» и «Отечественных записок» (см. в наст. изд. статью «Русская литература в 1851 году» и коммент. к ней).

С. 488. ...мы остановимся с любовью ~ настоящим, призванным художником... — Пояснение журнальной стратегии, принятой в статье самого Григорьева, в особенности в статье «Взгляд на “Библиотеку для чтения” в прошлом году» (см. наст. изд.), где разбирается, по сути, одно произведение, причем явно относящееся к периферии литературного процесса. Ср. также разбор повести А. В. Дружинина «Певница» в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году», которая, вероятно, кажется Григорьеву не лишенной художественного начала. Под «небольшую поэмою» может иметься в виду какое-либо сочинение Фета, внимательно разбиравшегося критиками «молодой редакции» (см. наст. изд., с. 452–456).

С. 488. ...пустим в ход риторическую фигуру умолчания... — Умолчание как одна из риторических фигур упоминается во многих трактатах по риторике (см., например, «Краткое руководство

к красноречию» М. В. Ломоносова, 1748, гл. 6, § 229). Ко временам Григорьева подобные трактаты воспринимались как ученическое чтение, что объясняет его иронию. См. также: Назиров Р. Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа, 1998.

С. 488. ...в отношении к иному тяжеловесному роману ~ необыкновенной великосветскости и изящнейшей тонкости. — Под романом имеется в виду, по всей видимости, «Мертвое озеро» Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой, многие отрывки которого Григорьев принципиально не разбирал (см. наст. изд., с. 652–653). «Великосветскими» Григорьев считал сочинения И. И. Панаева (см. наст. изд., с. 184).

С. 489. ...добросовестнейшие из деятелей ~ сходятся с нами в результатах. — Цитаты из статей, полемичных по отношению к предыдущей статье Григорьева об Островском (см. наст. изд.). Цитата из статьи Панаева под псевдонимом Новый Поэт помещена на с. 114, а не 119. Дружинин выражал схожие с «молодой редакцией» взгляды в отзыве на сочинения А. Ф. Писемского, в которых критик высоко оценил отказ от тривиальных ходов литературы своего времени (см.: БдЧ. 1854. № 2). Григорьев в своем обзоре «Библиотеки для чтения» высоко отзывался об этой статье Дружинина (см.: М. 1854. № 17. Отд. IV. С. 19–30).

С. 489. «Есть тому делу причина!» — как говорит Митя в «Бедность не порок». — Цитата из пьесы Островского (д. I, явл. 5).

С. 489. ...как в полемике, открывшейся против нас ~ обнаружили слишком ясно больные места той критики... — Речь идет об отзывах на статьи Григорьева «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (см. наст. изд., с. 790–792). Слово «интриги» выделено в «Отечественных записках». Под статьями о Пушкине и Гоголе имеются в виду сочинения Дудышкина и Гаевского, речь о которых будет вестись в его статье далее.

С. 490. ...и н т р и г и в смысле XVIII столетия можно отыскать в самом «Домострое» (вспомните женок торговых и т. п.)... — Григорьев продолжает обсуждение «Домостроя», начатое в его предыдущей статье и подхваченное Дудышкиным (см. наст. изд., с. 478, 480, 791). Под «интригой» здесь подразумевается галантный любовный сюжет, привлекающий не эротическим содержанием, а динамичной интригой. Ср. в «Моих литературных и нравственных скитальчествах» (1864): «Уже самый “Фоблаз” — книга, стоящая, так сказать, на грани двух направлений: сказка, интрига весьма спутанная и сложная играет в ней роль несколько не меньшую чувственности...» (Григорьев. Воспоминания. С. 68). Вероятно, здесь имеется в виду фрагмент из этой книги, где говорится о неких «бабах», «кои на зло повторяют младые жены, сиречь: которые сваживают с чужими мужи», причем такая баба может притвориться «торговою», а действовать через «женок» (то есть служанок) (Домострой благовещенского попа Сильвестра. М., 1849. С. 35). Этот сюжет мог напомнить критику о пьесе Островского «Не так живи, как хочется».

С. 490. ...правилами ли «Домостроя» ~ человека, весьма почтенного, но несколько одностороннего... — Имеется в виду, что созданный Сильвестром «Домострой» выражает в первую очередь личную позицию своего создателя, а не объективную суть «русского воззрения». См. о «Домострое» наст. изд., с. 798.

С. 490. ...завязкою всех новейших повестей и романов ~ оно уже решает его... — Речь идет о теме вызывающих сочувствие разлученных влюбленных. Григорьев, вероятно, противопоставляет многочисленные произведения, где раскрывается эта тема, пьесам Островского «Не в свои сани не садись» и «Не так живи, как хочется», где внезапно возникшее любовное увлечение героев оказывается ложным и обманывает их.

С. 490. ...*Definitio periculosa est.* — Неточно цитируется выражение, употребленное древнеримским юристом Луцием Явенолом Приском по отношению к гражданскому праву.

С. 490. ...и здесь, как и в деятельности Островского, новое слово есть только старое слово. — Отсылка к статье «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (см. наст. изд., с. 474). См. также преамбулу к наст. коммент.

С. 490–491. ...«Современником», в котором сегодня позволено ругать ~ тьму безвкусовых и безобразных литературных ересей... — Имеется в виду разногласие Дружинина и Чернышевского, касавшееся и оценки столь значимых деятелей русской литературы, как Пушкин, Белинский и Островский, и общих эстетических принципов оценки произведения (см. вступительную статью к наст. изд., с. 28–29).

С. 491. ...другие обстоятельности, от него не зависящие. — Данная формула указывает на возможность цензурного вмешательства, не давшего Григорьеву опубликовать продолжение статьи об Островском (см. наст. изд., Приложение I).

С. 491. ...какие статьи нами недокончены ~ отрывка, который сам по себе окончен... — Речь идет о статье «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене», продолжением которой являлась настоящая статья, и статье «Русские народные песни» (М. 1854. № 15), продолженной лишь в 1860 г. и получившей новое название «Русские народные песни с их поэтической

и музыкальной стороны» (см.: ОЗ. 1860. № 4, 5). Упреки в адрес Григорьева см.: ОЗ. 1855. № 5. Отд. IV. С. 54–55. Ср. также статью Панаева (наст. изд., с. 481–482).

С. 491. ...взгляды эти вызваны были поводом, и другим поводом вызовется, вероятно, их продолжение и разъяснение. — Речь идет об одной из статей Григорьева, посвященных «Библиотеке для чтения» (см.: М. 1854. № 8), где критик обещал подробно рассмотреть творчество Гете, однако так и не выполнил своего обещания. Упреки в адрес Григорьева см.: ОЗ. 1855. № 5. Отд. IV. С. 55. Григорьев не упоминает о еще одном замечании критика «Отечественных записок» (см.: Там же), заметившего, что он так и не завершил цикл статей о зарубежных писателях, начатый статьей о П. Мери-ме (см.: М. 1851. № 24).

С. 492. ...«шутил, весь век шутил»... — Отсылка к словам Софии из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (1824): «Шутить! и век шутить! как вас на это станет!» (д. III, явл. 1).

С. 492. Слово нашего направления есть уважение к преданию... — Под «нашим направлением», по всей видимости, имеется в виду отношение к Белинскому и его последователям, выразившееся в статьях С. П. Шевырева, который в рецензии на «Петербургский сборник» (1846) упрекал представителей «петербургской литературы» в пренебрежении «преданием»: «Воспоминание захочет она <западная философская мысль> создать какое-то воздушное, вне всяких наследственных преданий...» (Шевырев. С. 240). «Уважение к преданию» — выражение из статьи Пушкина «Письмо к издателю» (1836; см.: Пушкин. Т. 12. С. 97), относящееся к Белинскому.

С. 492. Вот с этим-то разрывом и с его представителями мы и боремся. *Sapienti sat.* — Цитируется известное латинское выражение (перевод — мудрому достаточно), которое в данном случае относится к цензурным сложностям, не дававшим Григорьеву прямо назвать по имени основного представителя «разрыва предания» — Белинского.

С. 492. Можно признавать ~ нельзя же не относиться к ним враждебно. — Имеется в виду Белинский. Характеристика его натуры как «вулканической», а самого критика — как сторонника живого слова и правды — вскоре станет типична для русской литературной критики, в том числе статей Н. Г. Чернышевского, романов А. Ф. Писемского, прозы А. И. Герцена (см. примеры: *Зубков К. Ю.* Из истории литературной полемики 1850-х гг.: В. Г. Белинский в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» // *Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А. И. Журавлевой.* М., 2013). «Малограмотность» Белинского отмечалась Шевыревым. В рецензии на «Петербургский сборник» он утверждал, что образование критика сводится к русским журналам: «“Телеграф”, “Телескоп” и “Молва” были его Геттингеном, Иею и Берлином» (Шевырев. С. 246). Там же Шевырев писал о постоянных противоречиях Белинского: «У г. Белинского есть несколько тем постоянных <...>. Первая тема, например, — нет русской литературы, вторая тема — есть русская литература...» (Там же. С. 247). «Вредное влияние» Белинского на русскую литературу констатировал сам Григорьев в статье «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд.).

С. 492. Судьбы нашей критики как от 1838 до 1846, так и от 1828 до 1838 довольно хорошо известны критику молодой редакции... — Первый из указанных периодов, вероятно, относится к участию Белинского в «Отечественных записках» (точнее, оно началось в 1839 г.). Второй период, вероятно, относится к литературно-критической деятельности Н. И. Надеждина, продолжавшейся, строго говоря с 1828 по 1836 г. В «Моих литературных и нравственных скитаниях» Григорьев назвал и Надеждина, и Белинского в числе авторов, оказавших огромное влияние на его поколение (см.: *Григорьев. Воспоминания.* С. 6). Ниже в настоящей статье критик явно смешивает Надеждина и Белинского.

С. 493. Венчания и развенчания кумирчиков ~ в которой г. Новый Поэт громит нас своими диатрибамми... — Григорьев дает общую характеристику критики Белинского, которая, по его мнению, преемственно связана с современным положением дел в русской критике. «Венчания и развенчания кумирчиков» вообще были обычным объектом его иронии (см., например, начало статьи «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене и коммент. к ней, наст. изд., с. 467, 792). Многочисленные противоречия Григорьев усматривает между статьями Белинского «Бородинская годовщина. В. Жуковского... Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду» (1839), ярким выражением периода «примирения с действительностью», когда Белинский пытался доказать разумность существующего порядка вещей, включая современное ему российское государство (сам Белинский говорил: «Я знаю, знаю, <...> меня назовут льстецом, подлецом, скажут, что я кувыркаюсь перед властями... Пусть их! Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убеждения...» — *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 226), и рецензией (1844) на роман Э. Сю «Парижские тайны», отражавшей социалистические убеждения Белинского середины 1840-х гг. (ср. сопоставление этого отзыва Белинского с позицией К. Маркса и Ф. Энгельса: *Эко У.* Роль читателя: Исследования по семиотике текста. СПб., 2007. С. 214–215). В статье «Литературные мечтания» (опубл. в газете «Молва», 1834) Белинский постоянно повторял, что народность является одним из условий подлинной поэзии, упоминая об этой категории по отношению

к сочинениям Державина и Пушкина. Напротив, в рецензии (1841) на «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым» Белинский отрицательно отзывался о русском фольклоре, не обладавшем, с точки зрения критика, эстетической ценностью. В статьях того же времени критик вообще отрицал значение понятия «народность» для современной литературы. В рецензии (1841) на книгу И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России...» и на книгу Г. Кошкина «О России в царствование Алексея Михайловича» Белинский утверждал, что допетровская Россия не обладает никаким общечеловеческим значением. Наконец, Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) первым определил Гоголя как первостепенного писателя, тогда как в знаменитом «зальцбрунском» письме и в рецензии (1847) на «Выбранные места из переписки с друзьями» резко отрицательно отзывался об этой книге. Григорьев неоднократно подчеркивал, что был одним из немногих критиков, не присоединившихся к Белинскому в осуждении книги Гоголя (ср. наст. изд., с. 497). В защиту «Бориса Годунова» в «Телескопе» выступал Надеждин, автор рецензии на трагедию Пушкина, вышедшей под псевдонимом Никодим Надоумко и написанной в форме диалога нескольких персонажей, один из которых защищает пьесу Пушкина от упреков некоего Тленского. При этом сам Надеждин ранее невысоко оценивал произведения Пушкина; его отношение к Пушкину изменилось именно после появления «Бориса Годунова». Тленский говорит своему оппоненту: «Тогда, как все благоговело перед Пушкиным, ты почитал удовольствием и честью нещадно бранить его, но теперь, когда он пал и все ополчается против него, ты себе, наверно, поставишь в удовольствие и честь принять его под свою защиту» (*Пушкин в прижизненной критике*. Т. 3. С. 72); вероятно, эта и другие статьи Надеждина послужили источником «Сна по случаю одной комедии» Б. Н. Алмазова (см. наст. изд., с. 618). Григорьев неточен, поскольку Надеждин по преимуществу полемизировал не с «критикой», а с устными отзывами.

С. 493. *Разделяя когда-то многое с критикой ~ как и книга Гоголя.* — В ранний период своего творчества Григорьев испытал сильное влияние Белинского (см.: *Виттакер*. С. 32–34). В статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859) он так описал свое впечатление от «Литературных мечтаний», первой большой статьи Белинского (1834): «Эти статьи изумляли невольно своей беспощадной и вместе наивной смелостью, жаром глубокого и внутри души выросшего убеждения, прямым и нецеремонным поставлением вопросов, наконец, тою видимой молодостью энергии, которая дорога даже и тогда, когда впадает в ошибки, — дорога потому, что самые ошибки ее происходят от пламенного стремления к правде и добру» (*Григорьев*. С. 157). Перечисленные далее отсылки к сочинениям Белинского раскрыты в коммент. к настоящей статье и к статье «О комедиях Островского...». Статья Григорьева в защиту «Выбранных мест...» в печати не подвергалась никакому «глумлению». Возможно, речь идет о полемике, вызванной статьями Григорьева времен «молодой редакции», во многом связанными с книгой Гоголя.

С. 493. *Errare humanum est* — пословица, приписываемая Луцию Аннею Сенеке. Тема «ошибка» критики отсылает к статье Панаева, который явно в пику Григорьеву заявлял: «...благородной откровенности и сознания мы желаем и современной критике <...>. Кто из критиков не вводил в заблуждение публику? Кто из них не ошибался? Кто не делал промахов? Кто не создавал своих кумиров?» (наст. изд., с. 484).

С. 493. *...отстаивая статьи о Пушкине ~ от его Татьяны делались весьма странные требования...* — Речь идет о цикле статей Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (1843–1845), где вся русская литература до Пушкина названа чуждой национальным «преданиям», которые Григорьев отстаивает: «Русская литература есть не туземное, а пересаженное растение. <...> Ее история, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сих пор), состоит в постоянном стремлении — отрешиться от результатов искусственной пересадки, взять корни в новой почве и укрепиться ее питательными соками. Идея поэзии была выписана в Россию по почте из Европы и явилась у нас как заморское нововведение» (*Белинский*. Т. 6. С. 81–82). Белинский осуждал поведение Татьяны Лариной в финале «Евгения Онегина»: «...некоторые отношения, не освещаемые любовью, в высшей степени безнравственны...» (Там же. С. 424).

С. 493. *Гоголю, изволите видеть, критика высказала тогда много горьких истин.* — Цитата из названной выше статьи Панаева (см. наст. изд., с. 483).

С. 493. *Пусть же наконец убедится она ~ читая «Авторскую исповедь»!* — Незаконченная черновая редакция второго тома «Мертвых душ» и «Авторская исповедь», содержащиеся в которой признания, по мнению Григорьева, опровергали упреки Белинского в ханжестве и двуличности Гоголя-проповедника, были опубликованы в 1855 г. Шевыревым (см. преамбулу, с. 803–804).

С. 494. *Начало ее в «Молве» ~ завершение в «Отечественных записках».* — Перечисляя журналы и газеты, в которых сотрудничал Белинский (журнал Надеждина «Телескоп» и его же газета «Молва», где он печатался в 1834–1836 гг., журнал «Московский наблюдатель», где Белинский сотрудничал в 1838–1839 гг., журнал «Отечественные записки» А. А. Краевского, в котором критик

участвовал в 1839–1846 гг.), Григорьев «забывает» некрасовский «Современник», сотрудники которого упрекали его в некорректной полемике с Белинским и присваивали себе роль наследников критика.

С. 494. В «Московском наблюдателе» та же критика ~ погружались в *unendlichen Geist Gete* и т. д. — Речь идет о периоде 1838–1841 гг., когда Белинский увлекался сочинениями Гегеля и использовал сложный философский язык его философии (ср., например, тесно связанную с «Эстетикой» Гегеля статью «Разделение поэзии на роды и виды», 1841). Обличительный отзыв о французской писательнице Жорж Санд (George Sand, настоящее имя: Амандина Аврора Люсиль Дюпен, позже — Дюдеван, 1804–1876) помещен в статье Белинского «Менцель, критик Гете» (1840). Белинский осуждал писательницу не за отсутствие художественности, а за проповедь женской эмансипации и идей социализма: «Г-жа д'Юдеван, или известный, но отнюдь не славный, Жорж Занд, пишет целый ряд романов, один другого нелепее и возмутительнее, чтобы приложить к практике идеи сен-симонизма об обществе. Какие же это идеи? О, бесподобные! — именно: индустриальное направление должно взять верх над идеальным и духовным: должно распространиться равенство не в смысле христианского братства, которое и без того существует в мире со времени первых двенадцати учеников Спасителя, а в смысле какого-то масонского или квакерского сектантства; должно уничтожить всякое различие между полами, разрешив женщину на вся тяжкая и допустив ее, наравне с мужчиною, к отправлению гражданских должностей, а главное — предоставив ей завидное право менять мужей по состоянию своего здоровья... Необходимый результат этих глубоких и превосходных идей есть уничтожение священных уз брака, родства, семейственности, словом, совершенное превращение государства сперва в животную и бесчинную оргию, а потом — в призрак, построенный из слов на воздухе» (Белинский. Т. 2. С. 161). В той же статье есть и отзыв о Шиллере, в сочинениях которого Белинский действительно не нашел объективной «художественности». Степень резкости этого отзыва Григорьев, впрочем, преувеличил — ср.: «И как понятно, что Гете не мог поступить подобно Шиллеру, ибо Гете был гений несравненно высший, гений чисто художнический, а потому неспособный увлекаться никакими односторонностями, но обнимавший все в оконченной целостности, на все смотревший не снизу вверх, а сверху вниз. Вся цель стремлений самого Шиллера была — достигнуть мирообъемлющей объективности Гете; только при конце своего поприща он более или менее достиг этого, и оттого последние его произведения и выше и глубже, чем произведения его юности, полной пожирающего пламени, а вместе с ним и дыма, и чада, и угара...» (Там же. С. 165). Там же Белинский писал, что смысл созданного Гете образа Фауста — «жизнь субъективного духа, стремящегося к примирению с разумною действительностью путем сомнения, страданий, борьбы, отрицаний, падения и восстания» (Там же. С. 178). Заимствованная из этой статьи формула «примирение с действительностью» выражает философское мировоззрение Белинского указанного периода, когда критик опирался на цитируемый Григорьевым тезис Гегеля «Was ist — ist vernünftig» (буквально: «что существует — существует разумно»), употребленный в работе «Основания философии права» (1820). Григорьев называет его «змееобразным», поскольку понять это выражение можно диаметрально противоположными способами: либо все существующее можно оправдать с позиции разума (так же понимали этот тезис и Белинский, и другие русские последователи этой теории, такие как ранний М. А. Бакунин), либо подлинно существует только то, что разумно. Очевидно, вторая из этих трактовок могла привести к радикальным выводам относительно общественного устройства, к которым несколько позже и пришли увлекшиеся социализмом Белинский и Бакунин. Выражение «unendlichen Geist» (буквально — «бескрайний дух») часто появляется у Ф. Шлегеля, Гегеля и других немецких философов, произведения которых обсуждались Белинским и его кружком. Культ Гете как объективного чистого художника отражен в указанной статье Белинского, послужившей Григорьеву источником для характеристики периода «примирения с действительностью» в целом.

С. 494. *Заездили совсем бедную художественность ~ Татьяна виновата пред судом совести, не давшись Онегину.* — Белинский часто употребляет понятие «пафос» начиная с 1842 г., когда наступает период его увлечения социализмом и общественными вопросами. Пафос как творческую идею произведения Белинский в последние годы жизни понимал все в более и более тесной связи с конкретными социально-историческими проблемами, а не в общечеловеческом аспекте (см. подробнее: Terras. P. 129–137). Рассуждение о «гвозде» приведено в очерке Белинского «Петербург и Москва», вошедшем в сборник «Физиология Петербурга» под редакцией Некрасова: «Мудрые века говорят, что железный гвоздь, сделанный грубою рукою деревенского кузнеца, выше всякого цветка, с такою красотой рожденного природою, выше его в том отношении, что он — произведение сознательного духа, а цветок есть произведение непосредственной силы» (Белинский. Т. 7. С. 145). Подобные суждения, впрочем, близки как раз философии Гегеля, от которой Белинский полностью не отказался. Противопоставление Белинским беллетристики и художественной литературы

постоянно становилось предметом критики «молодой редакции» (см. наст. изд., с. 23). Об оценке Белинским Татьяны см. выше, с. 810.

С. 494. *Первому нельзя ~ свидетельствуется в вашей же критике многими статьями...* — «Первый», то есть ранний этап критики Белинского, вызывает осуждение Григорьева, поскольку романтическое понимание связей национальности и народности (в духе «исторических романов» 1830-х гг.) не совпадает с его собственным (см. в наст. изд. преамбулу к статье «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене»). Второй, «гегельянский», период вызывает осуждение из-за наивности и прекраснотушия ('schöne Seelen' — нем. 'прекрасные души'), которое для Григорьева опять-таки отождествляется с устаревшей романтической философией и эстетикой. Наконец, поздняя критика Белинского кажется Григорьеву несостоятельной в силу радикального стремления не обращать внимания на не соответствующие «прогрессивной» идеологии литературные движения. Этому противоречит, по мнению Григорьева, критика Дружинина, обратившегося к внимательному анализу творчества Пушкина (см. ниже).

С. 494. *...Пафос употреблялся уже только на пародии стихотворений ~ восторги истощились.* — Ироничная характеристика литературной деятельности И. И. Панаева, писавшего пародии под псевдонимом Новый Поэт и казавшегося членом «молодой редакции» примером «великосветского» отношения к литературе (см. наст. изд., с. 158–164).

С. 494. *Мы говорим об Иногородном Подписчике ~ начавши дело как гаер.* — Речь идет о переходе Дружинина от фельетонной критики под псевдонимом Иногородный Подписчик к более серьезным статьям о Пушкине (ср. ниже их высокую оценку, а также статью «Обозрение наличных литературных деятелей» в наст. изд.).

С. 494–495. *...эстетическое чувство претило ему ~ от обиденных продуктов г-жи Евгении Тур, г. Чернышева и иных...* — Григорьев отсылает к собственной статье «Русская литература в 1851 году», где дана развернутая характеристика деятельности Дружинина (см. наст. изд., с. 196–200). О Тур и Чернышеве см. наст. изд., с. 668, 657, 674.

С. 495. *Что же касается до полемики ~ против мысли и во имя мысли.* — Ретроспективное переосмысление собственной позиции, выраженной в статьях «Русская литература в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году», направленных как против наследия Белинского, так и против его продолжателей. Возможно, Григорьев намекает, что прямо осуждать Белинского не мог из-за цензурного запрета. В реальности, впрочем, его статьи были направлены против самого Белинского не в меньшей степени, чем против его последователей.

С. 495. *«...что же после этой критики сказала нового заносчивая критика "Москвитянина"? ~ В г-не Островском!...»* — Этот вопрос к себе является прямой цитатой из статьи Панаева «Заметки и размышления Нового Поэта...» (см. наст. изд., с. 482) — ср. его полемику с предыдущей статьей цикла, наст. изд., с. 481–482.

С. 495. *Глубоки в этом отношении слова Гоголя ~ ваше внимание.* — Одной из основных тем «Авторской исповеди» Гоголя является полемика с несправедливыми, по мнению Гоголя, отзывами критики. Трудно сказать, какой конкретно фрагмент имел в виду Григорьев. Ср., например: «...сужденья большею частью были слишком уж решительны, слишком резки, и всяк укорявший меня в недостатке смиренного истинного не показал смиренья относительно меня самого» (Гоголь. Т. 8. С. 466).

С. 495. *...критике этот класс кажется мелким!* — Именно так определял купеческий класс Панаев: «...мелкий купеческий класс, так верно и мастерски изображаемый г. Островским, еще далеко не обнимает всю русскую жизнь и не может служить полным выражением богатой и разнообразной натуры русского человека» (наст. изд., с. 486). Панаев, в свою очередь, пересказывал критика «Отечественных записок», который, полемизируя с Е. Н. Эдельсоном, писал: «Дело нешуточное выводить наружу все коренные народные свойства; это уж совсем не то, что изображать купеческий быт...» (ОЗ. 1855. № 1. Отд. IV. С. 53).

С. 495. *...даже рецензенты «Библиотеки для чтения» ~ «Пантеон» скоро начнет борьбу с этой критикой!* — Типичное для Григорьева полемическое сравнение оппонентов совершенно разного, по его мнению, уровня. «Современник» и «Пантеон» критиком уже сопоставлялись неоднократно (см. наст. изд., с. 467). О пренебрежительном отношении Григорьева к «Библиотеке для чтения» см. выше, с. 768–772. Журнал Сенковского полемизировал с рецензией Чернышевского (С. 1855. № 6) на его же книту «Эстетические отношения искусства к действительности». Обозреватель «Библиотеки для чтения» обратил внимание на противоречия между эстетикой Чернышевского и Панаева (см.: БдЧ. 1855. № 7. Отд. VI. С. 6–8). Иронично изложив эстетическую концепцию Чернышевского, он подытожил ее так: «...во всей вышеизложенной теории нет ничего нового, кроме нелепости вывода» (Там же. С. 8).

С. 495. *...за исключением превосходной статьи г. Дружинина в «Библиотеке для чтения»?* — О статье Дружинина см. ниже.

С. 495. *...статья в «Отечественных записках» ~ большею частью не литературным...* — См. об этой статье ниже, с. 815.

С. 495. ...*Наш Гоголь в своем отрывке «Рим» ~ так сильно восхищался некогда «Римом» Гоголя.* — Критик «Отечественных записок» (скорее всего, С. С. Дудышкин — см.: *Егоров*. С. 225) цитировал статью Григорьева о «Библиотеке для чтения» (см. наст. изд., с. 409), его статья цитируется по указанному Григорьевым изданию. Резкий тон дальнейшей полемики отчасти объясняется тем, что именно в это время Григорьев начинает испытывать сомнения в достоинстве Гоголя (см. наст. изд. коммент. к статье «Взгляд на «Библиотеку для чтения» в прошлом году», с. 768–769).

С. 496. ...*прочли мы в одной из таких газет ~ ничтожною комедию, и т. д.* — Под «антинациональным духом» имеется в виду антирусский дух, то есть польский. Поляками были и редактор «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин, постоянно отрицательно высказывавшийся о сочинениях Гоголя (см. его разбор «Опыта биографии Гоголя» П. А. Кулиша — 1854. 7 авг. № 175; 14 авг. № 181), и О. И. Сенковский. Упомянутая Григорьевым статья в «Библиотеке для чтения» — рецензия на сочинение Кулиша, автор которой осуждает фанатичных «гоголепоклонников» и, между прочим, пишет о Гоголе: «Миленькая, но слабенькая по изобретению и плану комедия “Ревизор” и решительно ничтожная драматически и нравственно роль Хлестакова казались ему целым океаном глубокомыслия, целою звездною твердью красот» (БдЧ. 1854. № 8. Отд. VI. С. 14–15).

С. 496. ...*голос того, кто учил обращаться с словом честно, был гласъ вопиющаго в пустыни.* — Речь идет о Гоголе (ср. цитирование того же места в наст. ст. ниже и коммент. к нему, с. 499), к которому применено знаменитое библейское выражение, употребляемое обычно по отношению к Иоанну Крестителю (Ин 1: 23).

С. 497. ...*при появлении «Переписки с друзьями» ~ в издававшемся тогда «Московском городском листке».* — Речь идет о статье Григорьева «Гоголь и его последняя книга» (см. о ней наст. изд., с. 651) и рецензии Шевырева (М. 1848. № 1), хотя и далекой от апологетического тона, но акцентирующей искренность Гоголя.

С. 497. ...*при жизни ли его ~ («Обозрение литературы», «Москвитянин») 1853 г. и многие другие статьи)...* — Перечислены статьи в «Москвитянин»: «Статья Проспера Мериме о Гоголе в “Revue de deux mondes”», где Григорьев отстаивает право русских писателей на «самостоятельную суждение» и полемизирует с Мериме (1851. № 24), «Русская литература в 1851 году», «Русская изящная литература в 1852 году» (две последние см. в наст. изд.).

С. 497. *Нападок на «Рим» ~ в течение нескольких лет наберется весьма много...* — «Рим» и лирические места «Мертвых душ» осуждались Белинским и Н. А. Полевым (см. наст. изд., с. 792–793, 771). Фантастическое содержание повести «Портрет» осуждалось Белинским в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835).

С. 497. *Вопли на отрицательную сторону сосредоточивались ~ за чистоту нравственности, понимаемой ею особенным образом.* — Речь идет о «Библиотеке для чтения» и «Северной пчеле». Упреки в употреблении «полонизмов» в адрес первого вызваны не лингвистическими соображениями, а идеологической неприязнью к редактору журнала О. И. Сенковскому, по происхождению поляку, как и издатель «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин, поддерживавший «Библиотеку для чтения» в литературных полемиках (см., например: СевПчел. 1855. № 38. 19 февр.). «Библиотека для чтения» осуждала сочинения Гоголя и других ценных Григорьевым писателей. «Северная пчела» была известна критикой неправомерностей русского языка у современных ей писателей, а также отрицательным отношением к проблематике их сочинений, причем осуждение последних зачастую перерастало в своеобразный литературный донос (ср., например, обвинение натуральной школы в клевете на русский народ: Ф. В. <Булгарин Ф. В.>. Журнальная всякая всячина // СевПчел. 1855. № 17. 22 янв.). Под «различными кондитерскими» имеется в виду постоянное появление в различных статьях «Северной пчелы» скрытой рекламы различных заведений.

С. 498. ...*«звондъ, выкованный человеческими руками, — лучше и дороже самого роскошного цветка в природе»...* — См. выше, с. 811.

С. 498. ...*«лучше, если бы в русской литературе было поменьше художественных произведений, а по больше беллетристики»...* — См. наст. изд., с. 23.

С. 498. ...*писали тысячи повестей на тему борьбы развитых и тонких натур с грубостью и невежеством окружающего их быта...* — Ср. статью «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 200). С. 498. «Рим», наконец, так явно высказывал точку зрения ~ будто бы он чернит Россию. — Под «клеветами» имеются в виду отзывы упомянутых выше журналистов Сенковского и Булгарина.

С. 498. «Рим», одним словом, служил прологом ~ хотя еще доселе придать им... — Речь идет о позиции Белинского, трактовавшего «Мертвые души» как сатирический роман (см., например, его полемику с К. С. Аксаковым, 1842; об отсылках к ней в более ранних статьях Григорьева см. наст. изд., с. 646, 662, 710).

С. 498. ...*Островский полагает теперь уже с полным спокойствием ~ должен был остановиться Гоголь.* — Григорьев повторяет восходящий к статье Алмазова «Сон по случаю одной комедии»

(наст. изд., с. 130–137) тезис об «объективности» таланта Островского по сравнению с «субъективностью» Гоголя, однако изменяет его в соответствии со своей новой трактовкой Островского как единственного подлинно русского писателя. В итоге Островский уже не приравнивается к Гоголю, а оказывается выше него.

С. 499. ...по мнению Ивана Антоновича Кувшинного рыла, — не один Иван Григорьевич, а есть еще и другие ... — Отсылка к 1 тому «Мертвых душ» (1842, глава 7).

С. 499. 1) До Гоголя ~ подобно неотвязным червям. — Список свидетельствует о том, что Гоголь, по мнению Григорьева, противостоял популярным литераторам, журналистам и писателям 1830-х гг.: Булгарину, Загоскину, Полевому и Сенковскому. Под «нравоописательными рассказами» имеются в виду в первую очередь «нравственно-сатирические» сочинения Булгарина (см. наст. изд., с. 798–799). В качестве примера «нелепого романтизма» приводится творчество Н. А. Полевого, автора повести «Блаженство безумия» (1833) и романа «Аббадона» (1834). Отношение Григорьева к творчеству Полевого было в целом достаточно положительным (ср. сложный образ Полевого, созданный в «Моих литературных и нравственных скитальчествах», 1864). «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» (1833) — книга Сенковского, которого Григорьев критиковал постоянно. Самым популярным автором русских исторических романов был М. Н. Загоскин, подробную характеристику литературной и идейной позиции которого Григорьев даст в статье «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия» (1861). Загоскин казался Григорьеву искренним сторонником своеобразно понятой религии и простонародности, неспособным, однако, возвыситься до понимания «правды и жизни». Под «иным» господином имеется в виду Булгарин, который имел репутацию агента тайной полиции. В гоголевском «Театральном разезде», в частности, изображаются некие господа, осуждающие автора комедии по нравственным и патриотическим соображениям. Ср., например, слова «господина с весом»: «Я не знаю, что это за человек? <...> Для этого человека нет ничего священного; сегодня он скажет: такой-то советник не хорош, а завтра скажет, что и Бога нет» (Гоголь. Т. 5. С. 166). Григорьев видит здесь, по всей видимости, намек на Булгарина и Н. А. Полевого, в рецензии на «Мертвые души» обвинявшего Гоголя в клевете «не только на человека, но и на родину свою» (Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика. Статьи, рецензии. 1825–1842 / Сост., вступ. ст., коммент. В. Г. Березиной, И. Н. Сухих. Л., 1990. С. 347). Теорию «битья по карманам» развивал Сенковский, намекая, по всей видимости, на того же Булгарина: «Вот в чем состоит <...> знаменитая система *битья по карманам*. Последователи ее, как скоро увидят, что кто-нибудь из книгопродавцев или издателей решился на обширное предприятие, приносящее честь литературе и на которое он посвятил значительную часть своего состояния, тотчас становятся его притеснителями. <...> Если около времен подписки на какое-нибудь важное предприятие увидите на каком-либо языке злую и придирчивую критику, будьте уверены, что это работа членов почтенного союза, приводящего в действие систему *битья по карманам*. <...> Горе, горе тем, о ком в истории литературы будет со временем сказано, что они первые, в ослеплении страсти, произнесли или положили на бумагу родной земли своей ужасные, нелитературные, киргизские слова *бить по карманам!*» (БдЧ. 1838. № 11. Отд. IV. С. 29–30; см.: Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 57–59; Каверин В. А. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 124–131). Как нетрудно заметить, редактор «Библиотеки для чтения» во многом сходится с Григорьевым, также указывавшим на «нерусские» корни «литературных промышленников». Григорьев, впрочем, не разделял позиции Сенковского и Булгарина, считая их союзниками в литературной полемике. Это объясняется тем фактом, что именно Булгарин и Сенковский в своих изданиях незадолго до появления статьи Григорьева осудили книгу П. А. Кулиша о Гоголе за чрезмерно высокую оценку писателя (об оценке Булгарина см. ниже; рецензию «Библиотеки для чтения» см.: 1854. № 8. Отд. VI. С. 1–16). Выражение «Обращаться с словом нужно честно» употреблено в статье Гоголя «Что такое слово», вошедшей в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Именно это выражение особенно впечатлило и «запало <...> в душу» Григорьеву (см. письмо к Погодину от 7 марта 1847 г. — Григорьев. Письма. С. 20). Объявляя, что Гоголь не имел дела с литераторами, помимо Пушкина, Жуковского и др., Григорьев следует за Гоголем, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» подчеркивавшим свою близость к этим писателям и обращавшимся к ним на «ты» (схожие идеи воспроизводит в своей биографии Гоголя Кулиш). Пушкина и Жуковского Григорьев противопоставляет Булгарину, с которым Гоголь, по его словам, «не был в сношениях». Подчеркнув это Григорьеву было нужно, поскольку Булгарин утверждал, будто Гоголь в униженном тоне просил помочь ему в литературных и служебных делах и по его протекции устроился на службу в Третье отделение (см.: СевПчел. 1852. № 87. 19 апр.; 1854. № 175. 7 авг.; о степени достоверности булгаринского рассказа существуют различные мнения: Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. М., 2004. С. 175–178; Рейтблат А. И. Служил ли Гоголь в III отделении? // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001). Григорьев

намекал, что сообщение Булгаринным компрометирующих сведений о Гоголе вызвано неспособностью объявить себя другом писателя — Булгарин никогда не упускал случая обратить в печати внимание на свои дружеские отношения с Грибоедовым (см., например, его статью с характерным названием «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове». — Сын Отечества. 1830. № 1). Персонаж «Мертвых душ» Иван Антонович Кувшинное рыло (см. выше), строго говоря Чичикову: «Да ведь Иван Григорьевич не один; бывают и другие» (*Гоголь. ПССиП*. Т. 7. Кн. 1. С. 135), — имеет в виду, что желает получить взятку. По Григорьеву, именно своекорыстные интересы двигали и Булгаринным.

С. 499. *В меня все ближние мои / Кидали бешено камня!* — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Пророк» (1841). Григорьев был склонен противопоставлять Лермонтова Гоголю и, вероятно, считал, что именно Гоголь имел объективное право высказать эту мысль. В статье «Стихотворения Н. Некрасова» (1862) критик цитирует те же строки, утверждая, что Гоголь и Лермонтов имели право так оценивать свои отношения не с читателями-современниками, а с окружающим их «кошмаром», имея в виду общественные и политические обстоятельства 1830–1840-х гг. (см.: Григорьев. С. 449–450).

С. 499–500. *...если под причины ~ не видя внутренней связи между этими произведениями...* — Речь идет о недавних, на тот момент, статьях о Гоголе. Критик «Отечественных записок» защищал Гоголя и его биографа Кулиша от Булгарина и Сенковского (см.: ОЗ. 1854. № 9. Отд. IV. С. 72–74), однако вскоре после этого с развернутой рецензией на «Опыт биографии Н. В. Гоголя» в «Отечественных записках» выступил С. С. Дудышкин, высказав несколько идей, которые не могли устроить Григорьева. Одна из этих идей сводилась к тому, что Гоголь хорошо знал малороссийскую, а не русскую жизнь, а это не могло не привести его к творческому кризису: «Гоголь чувствовал необходимость больше, подробнее и глубже знать Россию, нежели сколько он знал: ни жизнь его в Петербурге и Малороссии не могла его обогатить знанием коренной России, ни рассказы друзей не могли заменить опытности...» (ОЗ. 1854. № 11. Отд. III. С. 22). Григорьев, в 1855 г. убежденный, что малороссийское и великорусское начала таланта пребывают в гармонии (см. ниже в настоящей статье), счел такой подход к Гоголю проявлением «неприязненности». Не мог одобрить Григорьев и утверждения Дудышкина о неуважении Гоголя к публике: «...читатели дадут ответ Богу за то, что Гоголь не знал России <...> читатели виноваты еще более, потому что Гоголь жил за границей, и как бы виноваты тем, что Гоголь был болен!» (Там же. С. 23). С точки зрения Григорьева, гений не был обязан отвечать перед публикой, а потому претензии к Гоголю должны были показаться ему абсурдными. Наконец, Дудышкин обвинял Гоголя в противоречии между стремлением выразить в «Мертвых душах» свои пороки и стремлением изобразить реальное положение России, то есть между субъективностью и объективностью (См.: Там же. С. 26). С точки зрения Григорьева, Дудышкин неверно понял понятие «объективности»: даже субъективнейшие сочинения Гоголя могут выражать общие свойства человеческой души, а смешение субъективности и объективности было присуще, по мнению Григорьева, скорее представителям «натуральной школы» (см. его статью «Русская литература в 1851 году» в наст. изд.). Дудышкин был склонен объяснить найденные им противоречия физическими и душевными болезнями Гоголя (см.: Там же. С. 30), что едва ли мог одобрить Григорьев, вообще понимавший под «болезненностью» историческое состояние человеческой души и общественной жизни. Панаев под псевдонимом Новый Поэт оправдывал отношение Белинского к «Выбранным местам из переписки с друзьями» в полемике с самим Григорьевым (см. наст. изд., с. 493). Полемизируя со статьей Григорьева «Русская литература в 1851 году», Панаев писал о несопоставимости «Рима», с одной стороны, и «Шинели» и других сочинений Гоголя из русской жизни, с другой (см.: С. 1852. № 2. Отд. VI. С. 289–290); впрочем, «Ревизор» Панаевым не был упомянут.

С. 500. *...за исключением отличной статьи даровитого г. Дружинина, напечатанной в «Библиотеке для чтения»...* — Речь идет о статье Дружинина «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (БдЧ. 1855. № 3, 4). Григорьева должна была заинтересовать попытка Дружинина проанализировать эволюцию творчества Пушкина как выражение фундаментальных особенностей русской национальной литературы. Об эволюции отношений «молодой редакции» и А. В. Дружинина см. преамбулу, с. 805.

С. 500. *Вот как выражается, например, этот взгляд...* — Здесь и далее — цитаты из не подписанной рецензии Чернышевского на «Полное собрание сочинений русских авторов. Стихотворения И. Козлова» (С. 1855. № 7. Отд. V. С. 7–13). Курсив и комментарии в скобках — Григорьева.

С. 501. *Слава Козлова ~ несравненно выше.* — Здесь и далее цитаты из рецензии Белинского на «Собрание стихотворений» Козлова (ОЗ. 1841. № 3). Вопреки утверждению Григорьева, приведенной цитатой статья Белинского не начинается — перед этим автор рассуждает о закономерностях исторического развития русской литературы. В цитированной статье Белинского и дальнейших рассуждениях Григорьева речь идет о поэмах Козлова «Чернец» (1825), «Княгиня

Наталья Борисовна Долгорукая» (1828), «Безумная» (1830), балладе «Венгерский лес» (1827–1828). Сочинения Козлова сопоставляются с поэмой Дж. Г. Байрона «Гяур» («Джяур», 1813; сопоставление двух поэм Белинским более обоснованно, чем кажется Григорьеву, поскольку в первом издании «Чернеца» был эпиграф из «Гяура») и повестью Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Помимо этого, речь идет о переводах Козлова: «Крымских сонетах» из А. Мицкевича (1826, перевод 1828); «Невесте Абидосской» из Байрона («Абидосская невеста», 1813, перевод 1823–1826), стихотворениях «Ночь в замке Лары» (1827, перевод отрывка из поэмы Байрона «Лара», 1814), «Явление Франчески» (1830, перевод отрывка из поэмы Байрона «Осада Коринфа», 1816), «Обворожение» (1827, перевод из отрывка из драматической поэмы Байрона «Манфред», 1817), «Сон» (1831, стихотворение основано на эпизодах «Божественной комедии» Данте, в том числе на истории Паоло и Франчески, изложенной в V песни «Ада»).

С. 501. ...современная французская комедия будет выше мольеровской... — Низкая оценка современной французской драмы была общим местом в русской критике середины XIX в. Григорьев характеризовал ее так: «Если сцена выше драматургии — как в настоящую минуту во Франции и отчасти у нас — являются цеховые производители, которые пишут пьесы не по внутреннему побуждению, а для забавы жаждущей новизны публики, выводят в них не характеры, не лица, а известные, общие роды характеров, в которых хороши те или другие любимые артисты, известные положения, которые одинаково действуют на нервы посетителей театра: такие драматические произведения совершенно то же, что оперные либретто: они существуют не сами по себе и не сами для себя, они беспрестанно повторяют одни и те же положения и выводят их насильственно» (М. 1851. № 4. С. 569). Среди прочих негативно оцениваемых французских пьес Григорьев упоминал комедии Э. Ожье «Дружба и любовь» (Пантеон и Репертуар русской сцены. 1851. № 4; перевод В. Р. Зотова; см.: М. 1851. № 11. С. 361) и К. Деламина «Школа стариков» в собственном переводе (Пантеон и Репертуар русской сцены. 1850. № 1; см.: М. 1851. № 4. С. 572).

С. 501. ...Козлова надобно было и мерить условиями натур, ему родственных, а не условиями натур Байрона, ему чуждой... — В статье «О правде и искренности в искусстве» (1856) Григорьев называл влияние Байрона на большинство русских поэтов сугубо внешним. Козлова в той же статье он сравнивал с В. А. Жуковским (см.: Григорьев. Эстетика. С. 72). К Жуковскому обращено послание Козлова, упомянутое Григорьевым ниже.

С. 501. ...самая сила этого пафоса ~ раздуваться всеми мерами во льва. — Возможно, игра слов и намеков на Панаева, в сочинениях 1850-х гг. часто изображавшего светских «львов» (см. отрицательные отзывы членов «молодой редакции» Григорьева об этих сочинениях в наст. изд., с. 650).

С. 502. Тем не менее, страдания Чернеца ~ а не русская деревенская девка. — В цитате пропущен пример из поэмы, приведенный Белинским.

С. 502. Франческа! Я грустил твоей тоскою... — Цитата из указанного выше стихотворения Козлова «Сон».

С. 502. Нельзя было опустить из виду ~ прекрасные лирические места его поэм и посланий. — Вероятно, речь идет о послании «К другу В^{асилию} А^{ндреевичу} Ж^{уковскому} по возвращении его из путешествия» (1822, опубл. 1825) и о поэмах «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная» (1830), где содержатся пространные обращения к Москве.

С. 502. Бедный Козлов почему-то не отнесен даже к числу художников, — за ним не утверждена даже его оригинальность, очевидная для его читателей... — Пересказ статьи Белинского здесь неточен. Ср.: «...большая часть лучших <стихотворений Козлова> — переводы, а не оригинальные произведения; наконец, и из самых лучших многие не выдержаны в целом и отличаются только поэтическими частностями; но тем не менее самобытность замечательного таланта Козлова не подлежит ни малейшему сомнению. Его нельзя отнести к числу художников: он поэт в душе, и его талант был выражением его души» (Белинский. Т. 3. С. 485).

С. 503. ...давно уже произведения Пушкина превосходно оценены и, насколько то возможно было, объяснены эстетическою критикою. — Здесь и далее цитируется 3-я статья Чернышевского из цикла «Сочинения Пушкина».

С. 503. Ежегодно в Германии ~ труды Колериджей, Дреков, Ульрици, Гервинусов, даже Зиферсов были бесплодны. — Речь идет о многочисленных исследователях и истолкователях Шекспира, причем Григорьев, еще недавно выступавший в защиту «библиографов» против Белинского и его последователей, здесь отдает предпочтение философам. Высоко оцениваются знаменитый английский поэт и литературный критик Сэмюэль Кольридж (Coleridge, 1772–1834), автор множества работ о Шекспире; английский ученый и врач Натан Дрейк (Drake, 1766–1836), сочинитель объемного сочинения о Шекспире и его эпохе; Хенрик Ульрици (Ulrici, 1806–1884), немецкий философ-идеалист и автор книги о Шекспире; и Г. Гервинус, высоко ценимый Григорьевым автор (см. наст. изд., с. 646–647). Вероятно, высокая оценка Кольриджа, Дрейка и Ульрици основана на материалах книги Гервинуса, выделявшего сочинения этих авторов среди прочей литературы о Шекспире (см.

Гервинус Г. Шекспир. Изд. 2-е, доп. М., 1877. Т. 1. С. 40–47). С пренебрежением Григорьев отзывается о немецком филологе и переводчике Шекспира Эдуарде Вильгельме Зиферсе (Sievers, 1820–1892).

С. 503. ...много хороших частных найдется в статьях, современных появлению его произведений... — Григорьев знал многие прижизненные критические статьи о Пушкине, в том числе П. А. Вяземского, И. В. Киреевского и других значимых для него авторов.

С. 503. ...много прекрасных эстетических замечаний наговорено ~ как «нечто», написанное Воркуловым Евдокимом — «обо всем!»... — Имеются в виду статьи Белинского из цикла «Сочинения Александра Пушкина», которые Григорьевым иронично сопоставляются с сочинениями внесценического персонажа грибоедовского «Горя от ума» (д. IV, явл. 4).

С. 503. Мы знаем, кроме того, статьи г. Мартынова в «Маяке» ~ а сам не понимает в «Борисе» решительно ничего... — О статьях А. М. Мартынова о Пушкине и отношении к ним Григорьева см. наст. изд., с. 659. Далее речь идет о статьях Н. А. Полевого о Пушкине, опубликованных в журнале «Московский телеграф», видимо, в первую очередь о его рецензии на «Бориса Годунова» (1833), упомянутой в предыдущей большой статье Григорьева «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (см. наст. изд., с. 467). О выступлении Надеждина под псевдонимом Никодим Надоумко в защиту «Бориса Годунова» см. выше, с. 810.

С. 503. ...сравнительно с другими великими его собратиями — с Шекспиром, Гете, Шиллером, Байроном, Мицкевичем и иными? — Сам ряд писателей, приведенный Григорьевым, основан на его представлении о равноценности гениев всех эпох и противостоит прогрессивистским теориям Белинского, утверждавшего, что Пушкин во многом устареваеет. Практически все перечисленные авторы в тот или иной момент вызывали интерес Григорьева (см. наст. изд., по указателю).

С. 504. Возьмите, например, одно чувство любви, отношения к женщине, и проследите его у Пушкина... — Григорьев высказывал собственные идеи относительно темы любви в творчестве Пушкина в статье «Взгляд на “Библиотеку для чтения” в прошлом году» (наст. изд.).

С. 504. ...воспитывались не на нем, а на г. Некрасове, Щербине и иных. — Об отношении Григорьева и «молодой редакции» в целом к Щербине см. наст. изд., с. 655. Григорьев в целом воспринимал поэзию Некрасова как выражение протеста — «и слез, и горя, желчи» — против окружающей действительности (Григорьев. Критика. С. 452). Оценка поэта Григорьевым менялась в зависимости от его отношения к этому личностному началу и в настоящей статье достигла низшей степени. Мнение критика о Щербине ухудшается, вероятно, потому, что Щербина, как и Некрасов, воспринимается как представитель «болезненной», чрезмерно субъективной поэзии, противопоставленной здесь пушкинскому объективизму как высшему достижению русской поэзии (см. схожую, но значительно более мягкую трактовку в статье «Русская изящная литература в 1852 году», наст. изд., с. 326). Ср. также оправдание Некрасова в цитированной выше статье «Стихотворения Н. Некрасова» (1862).

С. 504. Критика «Отечественных» записок... — Имеется в виду обширная рецензия В. П. Гаевского на «Сочинения Пушкина» (ОЗ. 1855. № 6. Отд. III. С. 31–70). Вопреки Григорьеву, ее содержание не сводилось к пересказу сочинений Анненкова: Гаевский выступил с серьезной научной критикой, обращая внимание на отдельные пропуски и неточности в издании. К тому же, Чернышевский сочувственно ссылался на Гаевского, приписывая последнему идею, что будто бы после статей Белинского в дальнейшем объяснении творчество Пушкина не нуждается: «...мы решительно сказали, что давно уже произведения Пушкина превосходно оценены и <...> объяснены эстетической критикой. Нам приятно было видеть, что и другие рецензенты согласились с этим мнением» (Чернышевский. Т. 2. С. 477). Идеи самого Гаевского сводились скорее к тому, что филологическое исследование творчества Пушкина более актуально, чем попытки его нового истолкования (ср. приведенную Григорьевым ниже цитату из его статьи).

С. 504. Обыкновенно говорят, будто бы с самого появления... — Здесь статья Чернышевского цитируется с небольшими неточностями (вместо «широкое и чрезвычайно сильное» — «шумное и чрезвычайно сильное»; вместо «оценить» — «ценить»; вместо «бывают и критики» — «бывают критики»).

С. 504. ...пародией на стихотворение Пушкина «Поэт и чернь»... — Чернышевский привел в своей статье пародию Н. А. Полевого «Поэт», появившуюся в «Московском телеграфе» (1832. № 8) за подписью «Бессмыслов» и направленную против «литературной аристократии», которую, по мнению пародиста, представлял Пушкин (см. о пародии Полевого в контексте литературной полемики 1830-х гг.: Боленко К. Г. Послание А. С. Пушкина «К вельможе» как инструмент и объект полемики: Несколько уточнений // Новое литературное обозрение. 2009. № 95). Далее в статье Григорьева эта пародия цитируется.

С. 505. Что чувства добрые я лирой возбуждал ~ И милость к падшим призывал. — Цитата из стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) в цензурной редакции, созданной В. А. Жуковским.

С. 505. *Статьи Косичкина устремлены не на лицо, а на темные стороны жизни и литературы...* — Григорьев и Чернышевский, вероятно, имеют в виду статьи Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», вышедшие под псевдонимом Феофилакт Косичкин (Телескоп. 1831. № 13, 15; ср. упоминание Чернышевского о статьях Пушкина под псевдонимом Косичкин в «Телескопе»). В статьях резко осуждались Булгарин и Греч, причем указывались некоторые факты их частной жизни.

С. 505. *Из двух-трех статей...* — Позиция Чернышевского основана на анализе литературной полемики конца 1820-х — начала 1830-х гг., о котором Григорьев не упоминает, ограничиваясь указаниями на статьи Надеждина «Летописи отечественной литературы» (1832), в которой прозвучало упомянутое Григорьевым пожелание Пушкину быть «постепеннее», высказанное в связи с появлением 8-й главы «Евгения Онегина» (см.: *Пушкин в прижизненной критике*. Т. 3. С. 186).

С. 505. *...мы знаем теперь, благодаря г. Анненкову, как дорого доставались баловню природы эти шалости и игры...* — В своем издании сочинений Пушкина Анненков опубликовал многочисленные черновые наброски и заметки, тем самым привлекая внимание читающей публики к сложной работе поэта над своими сочинениями. В своей биографии Пушкина Анненков особенно подчеркивал, что его произведениям предшествовал долгий «кабинетный труд» по сбору материалов: «Заметки, мысли, соображения, выписки из сочинений были невидимым, подземным основанием, на котором созидались и образ его мыслей, и понимание предметов, и самое настроение духа, направлявшее поэтический дар его» (Анненков П. В. *Материалы для биографии А. С. Пушкина / Вступ. ст. Г. М. Фридлендера; подг. текста и коммент. А. А. Карпова*. М., 1984. С. 238). Чернышевский в своей статье о Пушкине проигнорировал эти соображения Анненкова.

С. 505. *...восторгался суровою жесткостью манеры, в которой написан «Анджело», и простотою сказок, хотя не понимал последних...* — Белинский отзывался об «Анджело» и сказках Пушкина отрицательно и в более поздних статьях. Судя по дальнейшему тексту статьи Григорьева, здесь он смешивает Белинского и Надеждина.

С. 505. *Пушкин был совершенным выражением своего времени.* — Здесь и далее цитируется статья Белинского «Литературные мечтания». Курсив и комментарии в скобках — Григорьева, за исключением выделения курсивом слов от «вековых правил» до «великих гениев»; выражений «подобные шуму волн» и «журчанию ручья», принадлежащего Белинскому. Григорьев снял присутствующее в оригинале выделение курсивом выражений «могучая беседа» и «вещая дума».

С. 506. *...в «Библиотеке для чтения» напечатан был «Гусар», одно из художественнейших произведений поэта!* — Речь идет о стихотворении Пушкина «Гусар», опубликованном в «Библиотеке для чтения» (1834. № 1) незадолго до появления статьи Белинского и обычно не упоминавшемся критиками.

С. 506. *...дикие положения недавно ~ на нее ссылающиеся.* — Имеется в виду диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (СПб., 1855). «Весьма благосклонно» оценивалась эта работа в анонимной рецензии, опубликованной в «Современнике» (1855. № 6). Григорьев вряд ли знал, что автором рецензии был сам Чернышевский.

С. 507. *...место из старой критики времен Сатурна, критики, низвергшей во всемо праву ту критику времен Урана...* — Чернышевский пытался оправдать критику Полевого, которую сменила критика Белинского, впрочем, по мнению Григорьева, также устаревшая. Этот процесс Григорьев пытался описать, отсылая к классическим мифам о боге Сатурне, пришедшем к власти, оскотив своего отца. Григорьев, впрочем, смешивает римскую (Сатурн) и греческую (Уран) мифологию, возможно, по той причине, что именами этих богов названы планеты Солнечной системы. Вероятно, таким экзотическим способом Григорьев выражал иронию по поводу либо представления Панаева об актуальности произведений Белинского, либо цензуры, из-за которой вынужден был пользоваться нелепыми иносказаниями, разбирая сочинения Белинского.

С. 507. *Когда в 1834 году вышла вторая часть «Новоселья», ~ в 22 № «Молвы» появилась следующая статья.* — Цитируемая статья принадлежит, по всей видимости, Н. И. Надеждину, чем и объясняется ее противоречие «Литературным мечтаниям» Белинского. Цитата ниже приводится по указанному изданию, курсив и комментарии в скобках — Григорьева.

С. 508. *...указанию связи этой манеры с манерой Боккачио ~ Шекспирова драма.* — Источником сюжета «Анджело» послужила комедия Шекспира «Мера за меру» (1603/1604). Ее сюжет, в свою очередь, восходит к сборнику новелл Дж. Чингито «Сто сказаний» (1565), который тесно связан с «Декамероном» Бокаччо. Об источнике сюжета «Меры за меру» Григорьев мог узнать из работы Гервинуса (см.: *Гервинус Г. Шекспир*. Изд. 2-е, доп. СПб., 1877. Т. 3. С. 74).

С. 508. *...тут нет еще и помину об архимандрите Аполлосе и г. Остолопове.* — Отсылка к цитированному выше тексту «Литературных мечтаний» Белинского.

С. 508. *Перед статьею «Жителя Сивцева Вражка»...* — Далее с незначительными неточностями цитируется статья неустановленного автора, опубликованная в указанном номере «Молвы».

С. 510. ...различные эфемерные произведения ~ различные политико-экономические вопросы... — Вероятно, имеются в виду поздние статьи Белинского, особенно его ежегодные обзоры литературы, где на материале беллетристики часто поднимаются общественные проблемы.

С. 511. ...предоставивши это дело борцам темным или только что выступившим на сцену литературы... — Вероятно, обыгрывается двусмысленность выражения: «темные» борцы — это критики и неизвестные публике (указание на тот факт, что статьи Чернышевского в «Современнике» обычно не подписывались), и невежественные.

С. 511. ...от г. Галахова ~ в оценке поэтических произведений... — Отношение Григорьева к А. Д. Галахову и П. Н. Кудрявцеву было неоднозначным. Оба они помогали ему печатать его сочинения в конце 1840-х гг. (см.: Григорьев. Письма. С. 36–38). С некоторыми их отзывами критик резко полемизировал, возможно, впрочем, не зная их авторов (см. наст. изд., с. 472–474). Галахова Григорьев здесь высоко оценивает как автора упомянутой ниже статьи о Карамзине; Кудрявцева — как автора статьи о лирике Фета (см. ее высокую оценку в статье «Русская изящная литература в 1852 году», наст. изд., с. 312).

С. 511. ...г. Галахов почил на лаврах ~ давно уже ничего не печатают. — Историко-литературные сочинения Галахова высоко оценивались «молодой редакцией». Третью часть его «Хрестоматии» сдержанно рассмотрел Филиппов (см.: М. 1851. № 8. С. 530–533), рецензия «Сочинения Кострова и Аблесимова» (ОЗ. 1851. № 11) удостоилась похвалы Эдельсона (см.: М. 1851. № 23. С. 518–519). Тот же критик достаточно высоко оценил и рецензию Галахова (ОЗ. 1854. № 6) на книгу Н. Н. Булича «Сумароков и современная ему критика», подчеркнув, впрочем, что «историческая критика» в понимании Галахова сводится исключительно к оценке общественного значения писателя, тогда как в действительности она должна включать и эстетическую оценку его сочинений (см.: М. 1854. № 14. Отд. IV. С. 79–88). Даже упрекая Галахова в сухости за работу «В. А. Жуковский. (Материалы для определения его литературной деятельности)» (ОЗ. 1852. № 11; 1853. № 6; 12), Филиппов не ставил под сомнение его познания (см.: М. 1852. № 23. Отд. V. С. 68). Григорьев упоминает как последнюю статью Галахова его работу «Н. М. Карамзин. Материалы для определения его литературной деятельности» (С. 1853. № 1, 11), видимо, не учитывая рецензий Галахова на историко-литературные сочинения, появившихся после нее. Также речь идет о статье Кудрявцева «Дант, его век и жизнь» (ОЗ. 1855. № 5, 7; 1856. № 3). Прочие «грамотные критики» — вероятно, такие авторы, как Шевырев, Никитенко и представители славянофильства, актуальные для Григорьева.

С. 511. На сцене только темные борцы ~ столбцы сакнт-петербургских газет. — Отсылающее к Библии (см., например: Мк 5: 9) выражение «Имя им легион» употреблено по отношению к Чернышевскому, опубликованному в «Современнике» анонимно, и К. А. Полевому, статьи которого в «Северной пчеле» Григорьев осуждает далее. Для критика даже такие диаметрально противоположные авторы объединяются в понятие «петербургская журналистика» (см. о нем: Зубков. С. 23–25), которое он теперь распространяет и на «Северную пчелу».

С. 511. ...является боец поседлый ~ г. Вонлярлярский чуть-чуть не гений! — П. — К. А. Полевой, подписавший инициалами «К. П.» статью «Ожидания русской литературы на 1855 год» в «Северной пчеле» (1854. 18 нояб. № 260), где утверждалось, что из всех современных русских писателей в историю войдет лишь В. А. Вонлярлярский. Статья могла привлечь внимание Григорьева, поскольку содержит высокую оценку готовившегося издания «Сочинений» Пушкина под редакцией Анненкова, а также упоминания о статье Пушкина «Торжество дружбы...», о которой Григорьев полемизирует с Чернышевским в своей работе. «Повести покойного И. П. Белкина» характеризуются как «бледные и незанимательные» в подписанном инициалами апологетическом предисловии К. А. Полевого к изданию сочинений Вонлярлярского; впрочем, другие прозаические произведения Пушкина там же оценены высоко (см.: Вонлярлярский В. А. Все сочинения. СПб., 1853. Ч. 1. С. XIX).

С. 511. Каждая вновь наступающая эпоха ~ много нового для себя. — Цитата из статьи Галахова «Дант, его век и жизнь» (ОЗ. 1855. № 5. Отд. II. С. 2).

С. 511. ...извлечение из двух книг о Данте Форизля и Вегеля... — Сочинение Галахова «Дант, его век и жизнь» было компиляцией из работ: Wegele F. X. Dante's Leben und Werke. Jena, 1852; Faurliel M. Dante et les origines de la langue et de la litterature italiennes: Cours fait à la faculté des lettres de Paris. Paris, 1852, на которые и ссылался автор (см.: ОЗ. 1855. № 5. Отд. II. С. 1).

С. 511. ...какому-нибудь г. Тихонравову или другому темному адепту! — Резко отрицательное отношение Григорьева к Николаю Саввичу Тихонравову (1832–1893), автору полемической статьи в «Москвитянине» (1853. № 6. Отд. V. С. 64–98), в будущем известному историку литературы, вызвано его статьей «“Мелочи из запаса моей памяти” М. А. Дмитриева» (ОЗ. 1855. № 1). 21 января 1855 г. Григорьев писал Погодину: «...я <...> бесился недавно, как тысяча бешеных собак вместе <...> когда читал журналы за ноябрь, с гнусной, подлой, оскорбившей меня и за Вас и за молодое поколение статьей Тихонравова ...» (Григорьев. Письма. С. 78; указание на время выхода номера журнала со статьей Тихонравова неверно). Ср. также крайне резкий отзыв самого

Тихонравова о Погодине в письме С. И. Пономареву от 23 апреля 1854 г. (Письма... к библиографу С. И. Пономареву. М., 1915. С. 10). Гнев Григорьева вызвало, вероятно, утверждение Тихонравова, что отрицание поэтического дарования Ломоносова и Державина, в котором Дмитриев упрекал Белинского, на самом деле восходит к мнению об этих поэтах Пушкина (см.: ОЗ. 1855. № 1. Отд. III. С. 7).

С. 512. ...известным историком немецкой литературы. — О Г. Гервинусе см. наст. изд., с. 646–647.

С. 512. *Ex otio* — отсылка к греческой пословице, переводимой как «От отдыха у нас больше дела, чем от дела» и распространившейся в латинском переводе Эразма Роттердамского.

С. 512. *Заслуга двух статей его о Пушкине ~ обошелся с трудом г. Анненкова...* — См. об отношении Григорьева к Дружинину там же, с. 805.